

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Это нельзя ЛЮБИТЬ

МАРИЯ ВЫСОЦКАЯ

Мария Высоцкая

Его нельзя любить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69746932

SelfPub; 2023

Аннотация

Мой сводный брат – настоящий псих. Порочный, не принимающий отказов. Он притворялся другом, а сам вел извращенную игру, где мне отвели роль девочки для битья. Глупой марионетки, которой он ловко манипулировал. Если бы я только знала, что он невзлюбил меня с первой секундошки, лишь за то, что я просто посмела появиться в его сытой жизни. За то, что моя мама вышла замуж за его отца. Если бы я только знала, как сильно он меня ненавидит... Впрочем, теперь я питаю к нему точно такие же чувства. Мне нет места в его мире, а он просто не приспособлен для моего. Мы враги. Любовники. Просто сумасшедшие. Его нельзя любить, но с каждым днем я понимаю, что это чувство сильнее меня...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	23
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	60
Глава 7	71
Глава 8	85
Глава 9	96
Глава 10	107
Глава 11	120
Глава 12	130
Глава 13	144
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Мария Высоцкая

Его нельзя любить

Глава 1

Ян

– Ты куда свалил? – перекрикиваю музыку и смех пьяной девицы, которую я прихватил с собой из дома Королева.

Минут десять назад понял, что Азарин разосрался со своей малявкой и кинул меня в кругу своих тухлых друзей. Эти ребята понятия не имеют, что такое настоящее веселье.

– Отвали, Гирш.

– Э! – ржу, отталкивая руку девчонки, которая тянется к моему лицу. – Ртом лучше поработай, – расстегиваю ширинку и давлю ладонью ей на затылок.

Выжимаю газ на полную. Я не ошибся, рот у нее работает гораздо активнее мозга.

– Развлечься хочешь, эмоциональный труп? Идея одна есть, – возвращаюсь к Тимохе.

– Какая?

– Как в старые добрые, Азарин. Тебе надо остыть, а папочка знает, как выпустить пар.

Азарин медлит. Тупит он сегодня не по-детски. Его Ариша, передергивает от одного только имени, кому угодно че-

реп вскроет своими вечными нотациями.

– Я на Воробьевых, – сдается мой унылый друг.

– Полчаса, и я там.

Отключаюсь. Лечу в левой полосе, иногда цепляя колеса-ми встречку.

Притормаживаю на перекрестке, в аккурат на красный.

Пальцы сжимают руль. Откидываю башку на подголовник, прикрывая глаза.

Кончаю своей новой знакомой в рот, намеренно удерживая ее пустую голову, чтобы не соскочила.

– Глотай давай.

Девочка слушается. Когда выпрямляется, облизывает свои перекачанные пельмени и поправляет волосы.

– На троечку сойдет, – беру телефон, – номер свой диктуй.

Она тараторит, не уточняя деталей. Уверен, что где-то глубоко, там, где еще присутствуют остатки мозга, она уже спланировала нашу свадьбу. Хотя, если она думает о большой и чистой после минета незнакомому чуваку, с наличием серой жидкости в ее маленькой голове я перегнул.

Захожу в приложение банка. Проверяю номер. Привязан. Перекидываю пятерку деревянных и тянусь к ручке пассажирской двери. Открываю.

– Дальше нам не по пути.

– Что? – ее пухлые губы приоткрываются.

Она напоминает мне сома. Медленная, губастая рыба.

– Выметайся, говорю. Давай, шевели ляжками.

Блондинка хлопает ресницами. Думает, что я прикалываюсь, что ли?

– Я долго ждать буду?

Судя по тому, как меняется ее выражение лица, – дошло.

Блонди выскакивает из тачки и от души хлопает дверью. Посылает меня так далеко, вероятно не зная, что я туда уже сходил не один раз за свою жизнь.

Когда машина срывается с места, показывает фак. Пальцы бы ей в задницу засунул, но не сегодня. Спешу.

Газ в пол, и вот минут через пятнадцать я уже на Воробьевых.

Тачку Азарина вижу сразу. Жму на тормоз, резко сбрасывая скорость. Задницу заносит. Я пролетаю в паре сантиметров от Тимохиного «спорта».

Опускаю стекло. В нос сразу бьет запах жженой резины.

– Больной.

– Не ной, принцесса. Я торопился. Короче, схема такая... Ты долго там сидеть будешь? Прыгай, по пути все расскажу.

– На моей поедем.

– Не жалко? – смотрю на Азаринскую тачку. – Думаю, мы ее немного цепанем.

Тим отмахивается и садится за руль.

Вот такого Азарина я люблю. А то с появлением Громовой мой друг стал уж чересчур правильным. Проще говоря, скучным душнилой под стать своей девушке, которая его, между прочим, кинула.

Эта шмакодявка ЕГО кинула, блин, и еще дышит.

– Рассказывай.

Тим тащится как улитка. Стрелка спидометра едва задевает сорок.

– Хочу сделать Ладке подарок ко дню рождения.

– Мачехе?

– Ага. Батя же ей шоу-рум подогнал в своем ТЦ. Но ремонт там тухлый. Предлагаю подправить.

– Каким образом? – в Тимохиных глазах загорается знакомый азарт.

– Твоя малышка, – хлопаю по торпеде ладонью, – еще ни разу не каталась по ночному ТЦ, я уверен...

– Да нормально. – Рассматриваю медсестру в коротком халате, ей бы еще чулки белые... – Жить буду. Точно перелом? – смотрю на свою руку.

Азарин так резко дал по тормозам, что я чуть через лобовуху не вылетел.

– Снимок будет готов с минуты на минуту, доктор придет, все расскажет.

– Отлично, – прижимаюсь затылком к стене, сидя на кушетке. Хоть бы кровать нормальную подогнали, что ли?!

По возне в коридоре понимаю, что батя уже нарисовался. Тимоха от меня через стенку, его отец минут на десять раньше моего подоспел. Стены здесь картонные, я прекрасно слышал, как он там орал.

– Где...

Батя открывает дверь. На лице извечный покерфейс. Сама деликатность и вежливость. Его бешенство выдает только пот на лбу и розоватые пятна на лице, которыми он пошел.

Пожимаю плечами, чувствуя резкую боль в левом предплечье. Только бы ушиб, а таскаться со сломанной конечностью вообще нет желания.

– Ты совсем охамел, Янис.

– Случайность.

– Оставьте нас одних, пожалуйста, – просит медсестру, и та сразу сваливает.

– Номерок оставьте, девушка. Эй! – ору ей вслед.

Отец только зло на меня косится.

– Тебе девятнадцать лет, Ян, не пять, не десять, что за детские выходки? Ты кому хуже сделать хочешь? Если ты думаешь, что после этого я разведусь с Ладой и твоя мать вернется...

– Заткнись и не трогай маму.

Терпеть не могу, когда он о ней говорит.

– Домой поехали.

– У меня перелом, я тут перекантуюсь.

– У тебя ушиб. Я уже говорил с врачом. Собирайся.

Ушиб? Прекрасно. Соскакиваю с кушетки и с улыбкой во всю рожу иду за отцом.

На улице нас сразу окружает кольцо охраны.

Большую часть дороги мы едем в тишине. На зубах скри-

пит от злости. Он притащил эту меркантильную дрянь полгода назад. Невесту, блин, привел. Даже не спросил, против ли я...

Месяц назад у него хватило ума жениться на этой дуре.

— Лада — моя жена, Ян. Нравится тебе это или нет. С магазином я замну, и с вашей «шалостью» тоже. Но если еще хоть раз! — он, как в детстве, грозит мне пальцем, отчего пробирает на смех.

Я и ржу. Громко.

Глаза сами собой закатываются от абсурда сказанного.

— Сегодня к нам приезжает дочка Лады.

— Не знал, что у шлюх бывают дети.

— Что ты сказал?

— Что слышал. Они тебе теперь на пару сосать будут?

Приподнимаю бровь, всматриваясь в отцовское лицо. Он краснеет. Еще немного, и лопнет. Понятия не имею, как пропускаю, скорее всего, потому, что не ожидал, но отцовский кулак прилетает мне по лицу.

Чувствую на зубах вкус крови. Второй раз за ночь.

— Родного сына по лицу из-за телки? Ты серьезно?

— Рот закрой и только попробуй выкинуть что-то подобное при женщинах.

Ладно. Я-то замолчу. Но, когда открою рот, вы все подавитесь собственными кишками.

Во дворе выскакиваю из машины самым первым, не дожидаясь, пока охрана откроет дверь. А как только захожу в

дом, вижу эту, еще и со своей мелкой копией.

– Ян? Что с тобой... – Лада тянет ко мне свою руку.

– На хер пошла. Не трогай меня. – Протискиваюсь мимо них к лестнице, замечая, что девчонка, которую мачеха сюда притащила, в ужасе жметесь к стене.

Ну да, видок у меня так себе. Рожа в крови не без помощи любимого папочки, под глазом синяк уже проявился от удара в тачке.

– Че пялишься? – делаю выпад в ее сторону, и она начинает крутить головой.

Дура.

Глава 2

Ника

Я думала, что проведу это лето иначе. У моря. С бабушкой, в нашем доме. Я не горела желанием ехать к маме, ведь, там будет ее новый муж, которого я совсем не знаю. Плюс, впереди еще экзамены и выпускной, но она так просила прилететь сейчас, хотя бы на пару денечков, что я не смогла ей отказать. «Отпраздновала» последний звонок и на следующий день улетела в Москву.

Мама встретила меня в аэропорту с водителем (его к ней новый муж приставил), он услужливо донес мой чемодан до машины, положил его в багажник и сел за руль. Последний раз мы с мамой виделись в апреле, на мой день рождения. Она прилетела за пару часов до торжества, с кучей подарков для меня и ба. Заказала самый дорогой ресторан-веранду у моря, втайне позвала туда всех моих одноклассников. Они все ею восхищались. Мама была одета с иголочки. Белый брючный костюм, красивый загар, идеальное каре. У нее глаза светились и волосы такие блестящие. Хотя сейчас ничего не поменялось, она по-прежнему выглядит как девушка с обложки.

Мы обнялись в зале ожидания. От нее вкусно пахло духами. Мама даже пустила слезу. Меня саму прорвало на эмоции. Мы с ней так редко виделись. Она родила меня в шест-

надцать. В восемнадцать уехала учиться в столицу. Я осталась с бабушкой, так с ней до собственного совершеннолетия и прожила. Мама, конечно, нас навещала, деньги присылала. А последний год вообще начала прилетать почти каждый месяц. Постоянно говорила, что скоро замуж выйдет и меня заберет.

Я не верила, а теперь стою посреди огромного дома в другом городе, а минутами ранее пережила свой первый авиарелет, еще и сразу в бизнес-классе.

Мама за моей спиной распоряжается, куда нести чемодан, и постоянно до меня дотрагивается.

– Я сейчас покажу тебе твою спальню. Надеюсь, тебе понравится ремонт. Помнишь, ты хотела такой широкий мягкий подоконник с подушками, чтобы можно было читать книги?

Киваю.

– Та-дам!

Мы заходим в одну из комнат на втором этаже.

Уютная спальня в бежевых тонах с собственной ванной и гардеробом. Подоконник и правда огромный. Мягкий, с разложенными на нем подушками. Рядом полка для книг.

– Спасибо, – облизываю губы и почти не дышу.

Мы с бабушкой никогда не жили впроголодь. Не бедствовали. В летний сезон наш дом превращался в гостевую, и мы принимали туристов с мая по сентябрь. Деньги всегда были.

– Тебе нравится?

– Очень. Спасибо, мама, – отзываюсь полупшепотом и чувствую, как она прижимается грудью к моей спине, обняв за плечи.

– Я так боялась не угадать. Вот тут стол для занятий, мольберт. Ты же любишь рисовать?

Я улыбаюсь, потому что рисовать-то я люблю, только формат у моих «рисунков» другой. Я с двенадцати лет хочу стать архитектором.

– Все здорово.

– Я так рада. Как же я по тебе скучала. Наконец-то мы будем жить вместе.

Мама зарывается пальцами в мои волосы, немного разлохмачивая прическу.

– Хочешь, завтра поедем в салон? И по магазинам потом. Купим платье на выпускной.

– Я не знаю, – развожу руками. – Мы с ба уже одно присмотрели...

Да, мы с бабушкой не жили бедно, но и подобное я только в кино видела. Водители, охрана, особняки, спальни с собственным санузлом...

– Не стесняйся, родная. Я очень хочу, чтобы тебе было комфортно.

– Мне все нравится, мама, правда. Мы можем поехать в салон, давно хочу подстричь кончики, – улыбаюсь.

– Отлично. Мне с утра нужно будет заехать в магазин, там открытие скоро, и после обеда я буду вся в твоём распоря-

жении.

– Хорошо.

Мы снова обнимаемся. Я так крепко прижимаюсь к маме, что меня начинает потряхивать от переизбытка чувств. Слезы на глазах наворачиваются. Мы так долго жили по отдельности, что все это до сих пор кажется мне сном.

Вообще, по закону отношений детей и родителей, я, наверное, должна ненавидеть маму за то, что она нас вот так бросила... Но я ее понимаю. Правда. Она родила в шестнадцать от парня, который от нее отказался. Она верила в любовь, а оказалась в суровой реальности. К сожалению, так бывает.

Она старалась как могла. Работала, пыталась нас обеспечивать, помогать бабушке финансово. Я ходила в частный детский сад, хорошую гимназию, у меня всегда все было, да, не хватало мамы рядом, но мы часами висели с ней на телефоне, она приезжала, когда могла. Не пропустила ни один мой праздник.

Как после этого я могу быть на нее зла? Она же моя мама. Она старалась изо всех сил. Получила образование, много работала. И только год назад нашла мужчину. Да, он старше ее на пятнадцать лет. Разведен, но разве это проблема в современном мире? Люди сходятся и расходятся, такова жизнь.

– Лада, – в комнату заглядывает женщина в униформе, – Вячеслав Сергеевич приехал.

– Спасибо, Оля. Ника, это Ольга, она помогает по дому.
– Здравствуйте.
– Здравствуй. Лада, она красивее, чем на фото. Картинка просто.

Мама улыбается, и мы втроем спускаемся вниз.

Входная дверь открывается с ноги. Парень, который залезает в дом, выглядит, мягко говоря, ужасно. У него кровь, синяк на лице и повязка на руке. Футболка рваная.

Мама тянет к нему руку.

– Ян? Что с тобой...

– На хер пошла. Не трогай меня!

Он так зло на нее смотрит, мне и самой тут же становится не по себе. Представляю, каково маме. Отшатываюсь в сторону, чтобы дать ему пройти к лестнице, рассматривая этого типа во все глаза.

– Че пялишься?

Он топает ногой, подаваясь ко мне, я чувствую целый спектр негативных эмоций, которыми от него фонит. Сгла-тываю.

– Кто это? – в ужасе перевожу взгляд на маму, все еще слыша топот на лестнице.

– Это Ян, Никуша. Сын Славы. Я ему не очень нравлюсь, – мама поджимает губы и становится грустной. – Думает, что я с Вячиком только из-за денег.

– Но это же не так? – спрашиваю и настораживаюсь.

– Конечно нет, – мама снова треплет мои волосы. – У Сла-

вы с женой был очень тяжелый развод, Янис до сих пор не принял выбор родителей. Вот и чудит.

– Мне он не понравился, – выдаю вслух достаточно громко.

– Он вообще мало кому нравится, – басит усталый мужской голос, и я вздрагиваю.

Мамин муж подкрался беззвучно.

– Простите, я не то имела в виду.

– Все нормально, Ника. Если этот паршивец будет тебя обижать, сразу говори.

– А он может?

– Этот все может. Лада, давай выпьем кофе, у меня, кажется, давление понизилось.

Мама с Вячеславом уходят. Я же с опаской смотрю на лестницу.

Год будет веселым...

Ночью я плохо сплю. Все время ворочаюсь и прислушиваюсь к тишине. В доме просто идеальная шумоизоляция.

После ужина, на котором Янис так и не появился, мама с Вячеславом очень долго о чем-то шептались в гостиной. Я не прислушивалась, просто пожелала им спокойной ночи и пошла к себе.

К себе ли? Не уверена, что этот дом когда-нибудь сможет стать для меня родным. Здесь все чужое. Стены, запахи, лю-

ди. Даже родная мама кажется чужой, потому что в основном я ее только слышала, а не видела. Это немного диковато – понимать, что вот она, передо мной стоит, когда разговаривает, и ее можно потрогать.

Из-за прерывистого сна утром я поднимаюсь с кровати разбитой. Долго чищу зубы, минут двадцать стою под теплой водой в душе и раздумываю о том, чем же себя занять.

Ольга уже заглядывала ко мне в комнату, звала завтракать и предупредила, что мама с Вячеславом уехали примерно до обеда.

Как итог на часах полдесятого утра, и я абсолютно не знаю, что же мне делать после завтрака, который оказывается очень вкусным.

– Ольга, вы шикарно готовите.

– Это не я, Ника, – женщина смеется и ставит передо мной кофе с чизкейком. – Но твою похвалу я передам нашему повару Анатолию.

У них свой повар? Мои глаза, наверное, выкатываются из орбит, как у животных в смешных мультиках.

– Проснулся? – Ольга качает головой, а я затаив дыхание, устремляя взгляд к приближающемуся парню.

Янис. Сегодня он выглядит еще хуже. Лицо опухло, а синяки приобрели багровый оттенок.

– Кофе сделай и не жужжи, Оль. Башка щас лопнет.

– Так тебе и надо. – Ольга ничуть не смущена появлением младшего хозяина. Держится молодцом, я бы даже сказала,

что говорит с ним как с нашкодившим школьником, а не сыном человека, на которого она работает. – Мало получил.

Янис кривит губы и садится за стол через три стула от меня.

– Здраваться не учили?

Его утреннее раздражение добирается и до меня. Ян прохордится пятерней по волосам, убирая со лба не уложенную темную челку.

– Привет, – по-дурацки взмахиваю рукой и тут же цепляюсь пальцами за чашку, будто она может спасти от этого парня.

– Ян, – он откидывается на спинку стула, принимая максимально открытую позу. Его рука лежит на столе, плечи расправлены. Он явно чувствует себя хозяином положения.

Судя по тому, что рассказала мне мама, он точно не рад ни ей, ни мне.

– Ника, – натягиваю на лицо робкую улыбку.

В конечном счете он первый со мной заговорил. Может быть, все и не так плохо. Может быть, он понимает, что я не имею никакого отношения к браку его отца и моей мамы?

– Первый раз в Москве, Ника?

Он прокатывает на языке каждую букву моего имени. Растягивает по слогам. Меня от такой манеры речи немного потряхивает. Он как маньяк себя ведет. Или мне чудится? Я уже не знаю.

– Да, – заглатываю вставший в горле ком.

– Супер. Будем дружить, – он улыбается, и, если бы не разбитые губы, это бы даже выглядело мило. – У нас вечером пати, поедешь?

– С тобой?

От такого неожиданного предложения я теряюсь. Он серьезно сейчас?

– Вчера ты был менее дружелюбным, – как бы подмечаю очевидное.

– Вчера было вчера. Пора вливаться в тусовку, раз ты здесь. Познакомишься с моими друзьями. Выпьем, потусим.

– Мне показалось, что ты не очень рад тому, что мы с мамой тут теперь живем, – добавляю осторожно.

– А разве ты – это она? – он ухмыляется и забирает у Ольги кофе, который она принесла. В отличие от меня, ему она подала огромную кружку, вместо аккуратной фарфоровой чашечки на три глотка. — Ты за моего батю замуж не выходила, – пожимает плечами. – Нам теперь придется жить под одной крышей, Ника. Дергать девочек за косички не в моем стиле, – он снова улыбается.

– Не знаю даже, – подношу к губам уже пустую чашечку.

– Слабо, что ли? Стой... – он понижает голос. Он у него становится бархатистым. – Или ты ханжа? Будешь вечерами сидеть с предками у телевизора?

– Нет.

Тут же начинаю отнекиваться. Не хочу, чтобы он считал меня скучной. Всю школу я была послушной, прилежной.

Хорошо училась, получила золотую медаль, занималась в художественной школе и почти не бывала на вписках, которые устраивали друзья.

Даже после линейки на последнем звонке я не на набережную со всеми поехала, а домой пошла, потому что бабушка купила торт, чтобы отметить.

Отчасти, именно поэтому, я хотела побыстрее закончить школу и стать студенткой, чтобы начать хоть немного веселиться. Найти новых друзей, которые будут воспринимать меня не как заучку, а как девчонку, у которой не только домашку списывать классно, но и с которой можно гулять.

– Супер. Тогда в восемь встречаемся здесь же.

– У тебя лицо разбито.

– И?

– Твои друзья ничего не подумают...

– Им похер, Ника. Ты сама, главное, не передумай.

– Не передумаю, – отвечаю твердо.

– Тогда до вечера. – Ян встает из-за стола и, прихватив с собой кружку, выходит из кухни. Точнее, столовой.

Я еще минуту сижу не шевелясь и обдумываю то, что только что произошло. Он позвал меня к друзьям. Веселиться. Меня.

Улыбка на моем лице скоро щеки порвет.

Убрав за собой посуду, я поднимаюсь в комнату и до приезда мамы залипаю в планшете, читая новую мангу (японские комиксы – прим. автора).

Мама приезжает только к трем. Жалуется, что из-за халатного отношения рабочих обрушилась стеклянная витрина и с открытием магазина придется подождать. Она расстроена, потому что у нее уже готова презентация и запланирована вечеринка в честь открытия.

Всю дорогу до салона мы молчим. Я смотрю в окна, рассматривая новые пейзажи, а мама висит на телефоне, обсуждая детали по магазину.

В студии красоты первым делом мне отрезают те самые три сантиметра кончиков волос, после чего я решаюсь на маникюр, потому что иду вечером на пати.

Идею Яна я маме озвучиваю сразу.

– Сам позвал? Ох, дочь, может, все и не так плохо. Он вообще с нами не особо разговаривает, ни со мной, ни с отцом. Злится на Славу из-за развода. Вы с Яном почти одного возраста, поэтому, думаю, в тебе он врага не видит.

Мама так широко улыбается, что я тут же копирую ее эмоции. Они и саму меня пропитывают насквозь.

– Какой цвет выбрала?

– Лавандовый, – показываю окрашенный пластиковый ноготь на палетке.

– Красиво. Ой, а мне, как всегда, френч, – просит своего мастера.

Примерно часа через два мы выходим на улицу, где нас по-прежнему ждет машина с водителем. Я осторожно сажусь на заднее сиденье, все еще не веря, что окружающая меня

реальность не сон. Внутри разрастается такое странное чувство. Какое-то робкое волнение с примесью щенячьей радости. Оно стойко держится до вечера, но перед часом икс сменяется жутким страхом.

А что, если я не понравлюсь друзьям Яниса? Именно эти мысли преследуют меня на пути в столовую.

– Ты пунктуальна. – Ян откидывает голову назад, сидя ко мне спиной. Оценивает мой внешний вид. Улыбается. – Супер. Едем.

Его пальцы касаются моей спины уже на выходе из дома. Я вздрагиваю, и он тут же отдергивает руку.

– Извини.

– Все нормально, – мотаю головой и иду к машине с водителем.

– Не, не, мы на моей, – он бьет ладонью по капоту черной спортивной машины и даже открывает для меня дверь.

– Спасибо, – аккуратно опускаюсь на сиденье, оттягивая подол платья. Оно не слишком короткое, но кресла в этой машине будто чуть вздернуты вверх у края. Поэтому мои колени находятся выше бедер.

Глава 3

Ян

Ника Малинина. Глупость. Доверчивая Глупость!

Я знаю про их семейку гораздо больше, чем они сами. Там до жопы секретов. Один из них – Лада. Мамаша Ники зарабатывала бабки в Москве тем самым местом, пока не подцепила моего отца. Этот старый идиот поплыл перед шлюхой, которая моментально подсуежилась. Года не прошло, как он притащил ее в наш дом и нацепил на палец обручальное кольцо.

Лада работала на Макара. Старовата она для шлюхи, конечно, уже, за годы стерлась вся, наверное, но, походу, моему отцу такое нравится. Помогать убогим.

Ника явно не в мать. Ее воспитывала бабка-пуриганка. И в Москву девчонку она отпускать не хотела, догадывалась, наверное, чем дочь зарабатывает, но, на удивление, от бабла, которое Лада им присылала, не отказывалась.

Все это я узнал от Макара, Ладкиного сутенера. Нет, батя, конечно, отвалил до хрена бабла, чтобы подправить репутацию своей новой женушки. Можно сказать, создал ей новое прошлое. Она якобы все эти годы в одной из его фирм работала. Ага, как же.

Закатываю глаза, замечая сбоку шевеление. Ника накинула на себя ремень безопасности.

Это даже хорошо, что ее сюда привезли. Уверен, будет весело.

Всегда интересно проверить грани дозволенного, насколько далеко она готова зайти, чтобы стать «своей».

Она ведь совершенно не та, за кого себя выдает. От матери, видимо, передалось. Тусовщица, блядь. Конечно.

Ну, тем забавнее будет за ней наблюдать.

– Нам долго ехать? – Ника поворачивает голову. Смотрит на меня.

– Нет. Минут десять. Держись, – жму газ в пол, и девчонка взвизгивает, хватаясь за ручку.

– Мамочки, – закрывает ладонью глаза, продолжая визжать, пока стрелка спидометра переваливает за двести.

– Открой глаза, Ника. Все веселье пропустишь.

Она неуверенно убирает руку от лица, но все же сидит зажмурившись. Машина урчит под нами как бешеная.

– Открой! – беру ее за руку. Переплетаю наши пальцы.

Ника приоткрывает один глаз.

– Веди двумя руками, пожалуйста, – бормочет, пытаюсь выдернуть свою руку из моей. – Пожалуйста, Ян.

Показательно кладу ладонь на руль, ту, в которой еще секунды назад были ее пальцы, и резко бью по тормозам у поворота к Валериной хате.

Выжимаю тормоз, пригвождая тачку к обочине.

Ника часто дышит, продолжая впиваться ногтями в ручку. У нее безумный взгляд – это адреналин подъехал.

– Разве это не весело?

– Я чуть не описалась от страха, – выдает на полном серьезе, а потом начинает смеяться. – Ты сумасшедший.

Ее губы слегка приоткрыты. Она продолжает хватать ртом воздух, как рыба. Трогает себя. Плечи, лицо, будто хочет удостовериться, что все еще присутствует на этом свете.

– Я надеюсь, твои синяки не потому, что ты попал в аварию?

– Кто знает, – пожимаю плечами. – Держись, – снова давя на газ, и нас резко прибавляет к сиденьям.

У дома Валеры Ника еще минут пять сидит в машине, после того как мы запарковываемся. А когда выходит, я сразу тащу ее внутрь и вручаю бокал.

– Держи.

– Что это? – она перекрикивает музыку, почти задевая губами мочку моего уха.

То, что я отзываюсь на ее прикосновения, мне не нравится. Это может испортить игру. Чуть позже мне стоит отыскать Настю.

– Брют. Пей, – выжидающе смотрю на нее и, когда она не предпринимает ни единой попытки сделать хотя бы глоток,вливаю в себя весь стакан точно такого же пойла. – Вот так надо. Учись.

Ника смеется и пригубляет эту кислятину.

– Вкусно, – улыбается.

– Я же говорю. Пошли, – тяну ее за руку через толпу ту-

сующихся. Музыка бьет по нервам. Башка до сих пор болит, но я не готов пропустить Валерину пати, хотя бы по причине того, что задумал.

Оглядываюсь на Нику. Она рассматривает окружающих, пытаюсь казаться прошаренной. Будто каждый день отрывалась в своей глухомани. Жаль только, что я в курсе, кто передо мной. Скучная ханжа, почти такая же, как Азарин себе нашел. Только эта с остервенением хочет влиться в тусовку и быть здесь своей. Впрочем, это мне на руку.

Не переживай, малая, вольешься. Уверен, тебе понравится.

Оглядываюсь на нее и тут же ловлю широкую девчонкину улыбку. Как можно быть такой доверчивой Глупостью?

– Валера, – жму этому козлу руку и падаю на диван. Нику тащу за собой.

Она приземляется рядом, снова поправляя подол платья, чтобы кто-нибудь не увидел ничего выше ее коленей.

В бокале, что я ей вручил, все еще полно кислятины.

– Ты пить будешь? – тычу пальцем в бокал. – Хотя, может, что покрепче?

– Я не...

– Не говори только, что не пьешь вискарь, – закатываю глаза и снова беру ее на слабо. Она в своем желании показаться не собой способна зайти очень далеко, я уверен. – Ну так что? – ору ей на ухо.

Ника убирает за уши волосы и неопределенно кивает.

– Супер, – тут же втюхиваю ей откупоренную бутылку. – Из горла давай.

– Прямо так? – округляет глаза. Они у нее темные, миндалевидные, выразительные. Не мелкие. Чисто внешне в тусовку она идеально вписывается. Фигура топчик. Задница зачетная. Брюнетка, такая вся секси девочка, при других обстоятельствах сказал бы, что все, как я люблю.

– Давай, – прикладываю пальцы к донышку и подталкиваю бутылку к ее губам.

Она делает глоток, морщится. Пальцы не убираю, снова толкаю, вынуждая эту маленькую Глупость сделать еще глоток. А потом еще.

– Хватит, – она высовывает язык. – Горько.

– Соврала, что пила вискарь?

– Нет, – она качает головой, смеется, бросая на меня слегка захмелелый взгляд. Щеки у нее уже покраснели.

– Тогда за знакомство, – заливаю в себя пару капель и снова тяну ей бутылку.

– Я чуть позже.

– За знакомство, Ника.

– Ладно.

Она снова делает глоток, потом еще. Заедает все это лимоном.

Валера уже пялится на нас с интересом.

– Гирш, познакомишь?

– Сестра моя, – говорю так, чтобы и Ника слышала, – свод-

ная. Так что не обижать, – поворачиваюсь к Валере, несколько раз ударяя кончиком языка о внутреннюю сторону щеки.

Он ржет и хлопает меня по плечу.

– Ника, мой дом – ваш дом. Не стесняйся, – загоняет ей какую-то дичь и тут же переключается на деваху рядом с собой.

Малинина все это время крутит башкой по сторонам. А когда смотрит на меня, улыбается. Вискарь сработал как надо, она расслабилась. Больше не одергивает свою дурацкую юбку и не прячет взгляд.

– Потанцуем? – вытягиваю ладонь.

– Давай.

Расталкиваю людей вокруг себя, вытаскивая Малинину в центр. Музыка долбит на сверхчистотах. Неплохо было бы закинуться обезболиками, потому что голова вот-вот раскрошится.

Отпускаю Нику от себя сразу же. Трогать ее я не планирую. Это неинтересно, сегодня по крайней мере.

Я хочу размыть ее грани дозволенного этим вечером, не больше. Чуть-чуть подтереть.

Выхватываю из толпы Настю и машу рукой. Зову к нам.

– Ника, с Настей потанцуйте, у меня голова сейчас лопнет. Посижу.

– Хорошо.

Малинина кивает и тут же попадает к Насте в оборот. Эта малышка знает свое дело, подсовывает Нике еще какого-то

пойла и закручивает в танце.

Падаю на диван к Валере.

– Реально сводная?

– Ага, Лада к нам ее притащила.

– Не знал, что у твоей мачехи есть дети.

– Я тоже был не в курсе, до вчерашнего дня.

– Трахнул ее уже?

– Фу, Валера, – ржу, – неинтересно. Она же явно целка. Скучна́.

– Ну не знаю, я бы откупорил.

– Полегче. – Забираю у него бутылку вискаря. – Трогать нельзя, только смотреть. – Склоняю голову, рассматривая, как Настюха тащит Нику к бару. – Пока...

– Это совсем другой разговор. – Валера затягивается и выпускает пар. – Будешь? – сует мне одноразку.

– Не.

Настя уже проворно затащила Малинину на барную стойку и продолжает накачивать ее чем-то из своей бутылки.

– Задница зачет у «сестренки».

– Ага, – киваю, – Ха! – резко подаюсь вперед и достаю телефон.

Не рассчитывал, что все будет так быстро.

Делаю несколько снимков, как Настюхин брат, оказавшийся с ними на баре, засасывает мою новую «подружку», и получаю тычок в бок от Валеры.

– Я точно ее хочу, – друг хлопает ладонью по своему ко-

лену.

– Слюни подотри. Рано.

Когда возвращаю взгляд к бару, вижу лишь, как Ника несется в сторону выхода из дома.

Очень надеюсь, что Настька мне Глупость так быстро не поломала.

Прячу айфон в карман и двигаю в сторону улицы. Там Малинину и нахожу. Она совсем не радугой блюет на Валерин газон.

– Ты чего так набухалась? – подхожу ближе, изображая встревоженность.

– Прости, я, я не дума... – Она резко отворачивается, и ее снова выворачивает.

– Воды принесу.

Достаю из тачки бутылку и протягиваю ей.

– Спасибо. Извини. Я...

– Не думал, что ты так быстро освоишься, – изображаю удивление на грани с шоком, намекая на ее поцелуй с братом Насти.

Ника роняет бутылку и обхватывает свои плечи. Ее лицо становится пунцовым. Выглядит она, конечно, хреново. Но, с другой стороны, какой нужно быть дурой, чтобы поехать куда-то с чуваком, которого вообще не знаешь, и пить алкоголь из его рук?

– Это случайность, я не знаю, как так вышло, – она чуть не плачет. А еще заикается.

Настюха ее окончательно споила. Она еле языком шевелит. Половина слов непонятна вообще.

– Да ладно, я никому не скажу.

– Все видели, Ян.

Ее начинает конкретно трясти. Даже зубы стучат.

– Всем пофиг, Ника. Никто и не заметил, пошли в дом, тебе умыться нужно.

Протягиваю ей руку, и она хватается за мою ладонь, как за спасательный круг. Все еще доверяет, наивная. Хотя расчет именно на это. Мы с тобой подружимся, Глупость. Верить ты будешь только мне и никому больше.

В доме сразу подталкиваю ее в сторону санузла на первом этаже и закрываю дверь изнутри, чтобы никто не вломился.

Ника нависает над раковиной, открывая кран. Ополаскивает лицо, полощет рот, приглаживает мокрыми руками свои растрепанные волосы, а потом долго смотрит на себя в зеркало.

Я все это время стою позади, привалившись спиной к стене, и парю вейп, делая вид, что залипаю в телефон, а не на ее задницу, юбка на которой задралась.

– Если честно, – она всхлипывает, – я никогда не пила и не была на вечеринках. Просто хотела, – снова шмыгает носом, – хотела подружиться.

– Хотела со мной, а подружилась в итоге с Настюхой, – откровенно ржу, но с серьезным рылом. – Шутка, расслабься.

От моих слов ее вытянуло струной. Еще намного, и раз-

ноется.

– Могла сразу сказать. Такая Глупость, – делаю шаг к ней и прижимаю к себе.

Короткие ногти цепляются за мои плечи. Она хлюпает носом и мелко дрожит.

– Извини, что испортила вечер, я не хотела.

– Все нормально, – улыбаюсь своему отражению в зеркале, участливо поглаживая ее по спине. – Со всеми бывает. Не бойся, мамке не сдам. Поехали отсюда. Тебе, думаю, на первый раз хватит.

– Домой? – она резко отскакивает в сторону. В глазах застывает ужас. – Я не могу домой, я пьяная...

Где-то глубоко внутри мне ее даже жалко. Но это не имеет значения. На пути к цели все средства хороши.

– Мы не домой. Поехали.

– А где моя сумка?

– У меня, – показываю ей ее барахло и подталкиваю в направлении двери.

В тачке ее быстро вырубает. Я нарезаю пару кругов по Садовому и торможу у отеля.

– Просыпайся, – толкаю ее в плечо.

Ника резко открывает глаза и, походу дела, вообще не понимает, что происходит.

– Где мы?

– Пошли, пару часов поспишь, потом домой поедем.

Она не сопротивляется, идет за мной по пятам. В номере

сразу валится на кровать и снова засыпает.

Да уж, тухляк полнейший. Знал бы, что ее так накроет, явно бы снизил долю алкоголя, что она выхлебала.

Бросаю на нее плед и размещаюсь на другой стороне кровати, не утруждаясь снимать ботинки. Занимаю полулежачее положение, пристраивая под спину две подушки.

Листаю ленту, рассматриваю фотки, которые сделал в доме Валеры, на которых Глупость сосетсся с Настей. Блокирую телефон и закрываю глаза.

После нашей выходки Азарина, кажется, отправляют в военное. Минус один друг в городе. «Красота».

Куда катится этот мир?

Как засыпаю, понятия не имею. Меня будит телефонный звонок, и, судя по мелодии, не мой. Свой я, как купил, поставил в режим «не беспокоить».

Орет телефон Ники. Он лежит в ее сумке под моей подушкой.

Мамочка звонит. Чем эта курица раньше думала, когда отпускала со мной свою дочь, вот интересно?

Тем же, чем на члене моего отца скачет, видимо. Вырубаю звук и примерно час наблюдаю за тем, как звонки повторяются снова и снова.

Когда их количество переваливает за три десятка, расталкиваю девчонку и сую ей телефон.

– Ника, мама твоя звонит.

– Мама?

Она смотрит на экран. С опаской забирает смартфон из моих рук, но отвечать не спешит.

– Скажи, что мы уже едем домой, – подсказываю.

Глупость касается пальцами сенсоров, и из динамика тут же льются причитания Лады.

– Где ты, Ника?

– Мама, мы уже едем домой. Все хорошо.

– Пять утра. Я места себе не нахожу. Звонила не один раз, почему ты трубки не берешь?

Ответ на этот вопрос я знаю. Потому что, пока твоя дочь спала, ее телефон был у меня. Я его минут десять назад только включил.

– Я не знаю, может быть, тут плохая связь. – Она сглатывает и садится на кровать. Смотрит в окно. На улице и правда уже рассвело давно. – Мы скоро будем.

Ника тут же завершает звонок и оглядывается на меня.

– Ты же ей не расскажешь про то, что произошло?

– Нет. – Перемещаю ноги на пол и поднимаюсь с кровати. – Причешись, и поехали. Жду тебя внизу.

Малинина спускается минут через пятнадцать с красными глазами, редела, похоже. На улице открываю ей дверь в тачке и сажусь за руль.

– Не трясись ты так, – успокаиваю на подъезде к дому, – ничего они тебе не сделают. Ты уже взрослая.

– Знаю, – кивает. – Но это все неправильно. Так нельзя.

Отрицание. Нет, этого я допустить не могу. Никакого

негатива о нашем вечере, Глупость. Никакого...

– Нельзя веселиться? Да, ты слегка перебрала, но это со всеми бывает. Уверен, что у твоей матери тоже такое было.

– Угу, видимо, в ту ночь, после которой появилась я, – бормочет себе под нос, но я слышу.

Не комментирую, правда. Но мысли в ее голове мне нравятся. Сомнение. Подрыв авторитета – это всегда прекрасно. Потому что на смену старому всегда придет новый.

Улыбаюсь и сбавляю скорость.

Когда заворачиваю к воротам, нутром чувствую, что ее мамаша в паре с моим отцом, который мне раз сто уже позвонил, но скатился в пропущенные, шарятся у дома на улице.

– Так, – смотрю Нике в глаза, – если что, вали все на меня, поняла? Скажешь, что я напился, уснул, и поэтому ты не могла уехать. Переживала, не могла меня бросить и прочая хрень.

– Но ты трезв.

– За это не переживай.

Торможу в паре миллиметров от отца, он на улице вместе с Ладой тусит. Как сторожевые собаки, блин.

– Поехали, – подмигиваю Нике и вылезаю на улицу. – О, родственнички, – выговариваю заплетающимся языком и нарочно запинаясь на ровном месте.

– Слава! – Лада в ужасе бросается к Нике, которая успела привести себя в порядок. Да, от нее несет вискарем, но выглядит она явно трезвее моего образа.

– У тебя совсем ума нет? – отец поддевает меня за шиворот футболки. Я брыкаюсь. Отыгрываю на пятерочку.

– Руки, – отцепляю его пальцы и громко ржу. – Вы чего такие скучные? Может, выпьем, а? Папа? – откровенно насмехаюсь, наблюдая, как Лада прыгает вокруг дочери, спрашивая о произошедшем.

Ника повторяет мою легенду слово в слово. Без запинки. Умница.

– Я спать, – закатываю глаза и плетусь к дому покачиваясь.

– Завтра поговорим, – бросает отец и принимается успокаивать свою истеричную жену, которая, вся в слезах, осматривает свою дочь.

У двери поворачиваюсь, потому что чувствую на себе взгляд. Это Ника.

Подмигиваю ей, ловлю в ответ ее робкую улыбку и переступаю порог. Как только закрываю за собой дверь, выпрямляюсь и ровным шагом поднимаюсь к себе.

Глава 4

Ника

Резко отрываю голову от подушки и в ужасе себя ошупываю. Сердце сейчас из груди вырвется от стыда, а голова лопнет от боли. Я в своей комнате, точнее в комнате, которая буквально вчера как бы стала моей.

На тумбочку у кровати кто-то заботливо положил таблетку и поставил стакан воды.

Сиротливо озираюсь по сторонам, кладу в рот таблетку и дрожащими губами осушаю стакан до дна.

Перед глазами проскальзывают фрагменты сегодняшней ночи. Огромный дом, громкая музыка, танцы и злополучная барная стойка, на которой я танцевала вместе с Настей и ее братом. Этот его поцелуй. Я сама не поняла, как это вообще вышло, а минутами позже чуть со стыда не сгорела.

Роняю лицо в ладони и тихонечко поскуливаю. Кислый брют, который я до сих пор ощущаю на языке, отдается в желудке яркими рвотными позывами.

Как я до такого докатилась? Если бы не Ян и его представление перед мамой, понятия не имею, что бы я ей говорила. Он меня спас. А судя по сообщению с его извинениями, которое я сейчас читаю, вообще считает себя виноватым. Только за что?

Это я соврала, что пила и брют этот, и виски раньше. Хотела показаться... Взрослой. Веселой. Доказать, что со мной очень классно тусить. Доказала. Дура.

Шмыгаю носом и медленно перемещаюсь в душ. Долго чищу зубы, чтобы избавиться от привкуса алкоголя на слизистой, а потом почти час отмокаю в ванне.

На часах половина третьего дня, я в жизни так долго не спала. Хотя и в шесть утра домой еще ни разу не возвращалась.

Приведя себя в порядок, тихонечко вышмыгиваю из комнаты, потому что очень хочется пить. Если бы не эта потребность, я бы и носа отсюда не высунула до самого отлета. Билет куплен на послезавтра. Я вернусь как раз за сутки до экзамена по русскому языку.

Как мышка спускаюсь на первый этаж, прислушиваясь к каждому шороху. Голова все еще не моя. Мутит немного, а в животе урчит от голода, но стоит только подумать о еде, как к горлу тут же подступает тошнота.

– Ника.

Мамин голос доносится до меня как сигнал тревоги. Мне тут же хочется убежать обратно вверх, но я беру себя в руки. А еще принимаю ту ответственность, которую должна, за все свои поступки.

– Как ты, дочка? – мамины руки заботливо ложатся мне на плечи. – Он тебя напоил, да?

– Кто? – хмурюсь, наконец заглядывая в мамины глаза.

– Ян. Бессовестный мальчишка, – она вздыхает. – Слава вчера был в бешенстве. Как у этого мелкого пакостника только ума хватило! Не переживай, Слава его обязательно накажет.

Я впадают в ступор. Паникую. Хаотично обдумываю все мамины слова и открываю рот. Нужно что-то сказать, точнее, рассказать правду.

Я ведь вчера могла сказать нет. Отказаться от поездки или просто не пить алкоголь. Могла вызвать такси и уехать в любой момент, не доводя до абсурда, но я продолжила вживаться в роль. Тешить свое самолюбие и глупые надежды на то, что вот теперь-то могу быть как все. Веселиться. Жить на полную катушку.

Какая же дура!

– Я... То есть, Ян не виноват. Он, наоборот, мне помог.

– Что? – мама прищуривается. – Ты его защищаешь? Он тебе угрожал чем-то? Иди что-то рассказал?

Мама начинает нервничать, но я не придаю этому значения.

– Нет. Просто я сама хотела повеселиться, мама, потому что всем можно, а мне нельзя. «Никогда и ничего нельзя», – последние слова говорю тверже. Смотрю ей в глаза. – Пока ты здесь жила, – сглатываю, ведь что сейчас скажу то, что явно ее может задеть, – я сидела дома и училась. Только училась. Бабушка никогда и никуда меня не отпускала. Боялась, что, – отворачиваюсь, – боялась, что я повторю твой сценарий.

рий и рожу в шестнадцать.

Мама отшатывается. У нее дрожат губы. Она прикрывает глаза, потирая пальцами переносицу, а я зачем-то продолжаю:

– Вчера был первый вечер, когда я вообще вышла из дома после десяти вечера, мама. Я впервые побывала на вечеринке, тусовке, вписке, без разницы где. Я просто хотела быть как все. Да, перебрала с алкоголем, но я и не пила никогда. Откуда мне было знать, что... Все мои друзья там, дома, считают меня зубрилой. А нашу ба – тираншей. Знаешь, как будет выглядеть мой выпускной? Все поедут на дачу после ресторана, а я пойду домой. Все будут веселиться, а я – спать. В восемнадцать. В день, который никогда не повторится, потому что я не думаю, что мне снова придется заканчивать школу, мама.

– Ника, я не знала...

Мама тяжело вздыхает и поджимает губы.

– Ты всегда такой веселой была, когда я приезжала, говорила, что тебе нравится жить с бабушкой, поэтому я и не хотела рушить твою привычную жизнь. Забирать к себе, на съемную квартиру, в другой город... Я думала, это будет нечестно по отношению к тебе – вот так вырвать из среды, где у тебя все хорошо.

– Я так говорила, чтобы вас не расстраивать. Ни тебя, ни ее.

– Ника...

– Извини, – склоняю голову, – то, что произошло вчера, такого больше не повторится. Не переживай.

Я делаю робкий шаг, а потом почти бегом скрываюсь на кухне. Прилипаю спиной к стене, затаив дыхание. Закрываю глаза, чувствуя, как по щекам катятся слезы. Я все-таки ее обидела. Мне просто не стоило сюда приезжать. Я всегда все порчу. Жизнь маме, которая была еще подростком, когда меня родила, бабушке, которая положила жизнь на мое воспитание и поставила крест на своей. Всем.

Слышу удаляющийся стук каблуков. Мама, видимо, вышла из гостиной. Перевожу дыхание и усаживаюсь за стол. Минут десять смотрю в одну точку и вытираю льющиеся слезы.

Когда за спиной слышится шорох, вздрагиваю, активнее тру щеки и моргаю.

– А ты безбашенней, чем я думал, с первого дня в тусовку влилась. Настюха там под впечатлением, – Ян садится рядом, со скрипом выдвигая для себя стул.

Морщусь от этого гадкого звука и смотрю на свои руки, лежащие на столе. Разглядываю идеальный маникюр.

– Я ничего не помню. Точнее, смутно...

Притворяюсь дурочкой. Мне стыдно за все, что вчера произошло. Очень и очень стыдно.

– Врешь. – Ян с шумом поднимается и достает из холодильника бутылку сладкой газировки. – Если ты паришься насчет того поцелуя, то я еще вчера сказал, всем пофиг. Бу-

дешь? – протягивает мне бутылку.

– Спасибо, – обхватываю двумя руками холодное запотевшее стекло. – И за вчера тоже. Я повела себя...

– Как?

Гирш упирается ладонями в столешницу, практически нависая над ней.

– Плохо.

– Кажется, у нас с тобой разные понятия о «плохо», Ника.

– Что тебе сказал отец?

– Ничего нового, – Ян пожимает плечами. – Куча нотаций. Я привык. А тебе? Мама ругалась?

– Нет. Она думает, что это ты виноват в том, что я... Прости.

– Забей. В следующий раз мы будем осторожнее, – он подмигивает, и я неосознанно улыбаюсь.

Он сказал, в следующий раз?

– То есть ты не обижаешься? – я широко распахиваю глаза, чувствуя, как сердце в груди гулко трепещет.

– Было весело, – он берет меня за руку. А я, я тут же краснею.

Вячеслав собирает нас всех вместе вечером после ужина. Ян как раз возвращается к этому времени домой.

Мама и ее новый муж расположились на диване, я же – в кресле напротив. Ян, вообще, стоит у камина, привалившись к стене и сунув руки в карманы. У него максимально скупа-

ющий вид. Вот бы мне его выдержку. Его ничего не трогает. И вины он не чувствует. Я же сгораю со стыда и никак не могу хотя бы немного скрыть свой раздраз.

– Мы с Ладой подумали и решили, что на все лето вы оба отправитесь к Серафиме Григорьевне.

– К бабушке? – срывается с моих губ.

– С фи́га ли? – тут же подключается Ян.

– За словами следи, – осекает Вячеслав сына. – Раз вы так хорошо нашли общий язык, думаю, вам обоим будет полезно провести лето, не бездельно болтаясь по Москве, а помочь Серафиме Григорьевне с гостевым домом. Ян, это в первую очередь касается тебя.

– Ты серьезно сейчас?

Ян закатывает глаза и усаживается на подлокотник моего кресла.

– То есть, по-вашему, мы должны батрачить хер пойми где все лето, потому что... Напомни-ка почему, папа?

– Потому что я так решил. Поживешь пару месяцев как все нормальные люди, может, ума прибавится. Меньше времени будешь морочить Нике голову своими тусовками.

Мама на его словах прячет взгляд, а я злюсь. Так сильно, что до крови расцарапываю себе руку ногтями. После всего, что я ей рассказала, она решила снова вернуть меня бабушке. Может, и заслуженно, конечно, просто я с чего-то решила, что мама хоть немного попытается меня понять. Наивная.

– По поводу поступления, – продолжает Вячеслав, – Ни-

ка, ты пойдешь учиться в тот вуз, который хотела. Будешь архитектором, – он улыбается. – Обучение я оплачу. Ян до сих пор болтается, как фекалии в проруби, со своим выбором, поэтому я решил за него.

– Ты у меня спросить не забыл? С чего вдруг, я...

– Замолчи, или положишь на стол ключи от тачки своей.

И все карты.

Ян касается языком верхней губы, но замолкает. Только смотрит на них так, будто в своей голове уже погромсал маму и Вячеслава на мелкие кусочки.

– Полетишь к Серафиме Григорьевне сразу после экзаменов. Выпускной пропустишь. Тусовок у тебя за эти годы достаточно было. Артём тебя сопровождает и будет сопровождать все эти три месяца.

– Твой тупоголовый баран из СБ? Ты сейчас серьезно?

– Я очень долго терпел все твои выходки. Нужно было еще несколько лет назад отправить тебя в закрытый интернат для трудных подростков, а я все жалел. Одно дело, когда ты разлагаешься сам, и совсем другое, когда втягиваешь в свою грязь других людей. Сначала Тимофей, теперь вот Ника.

– Пошел ты!

Ян швыряет брелок от машины отцу практически в лицо и, резко развернувшись, выходит из дома.

– Далеко не уйдет, – Вячеслав смотрит сыну вслед и сжимает мамину руку.

Как только за Яном закрывается дверь, его буквально сра-

зу затаскивает обратно охрана.

– Вы охуели тут все? Руки от меня убрал! Я тебе ска...

– Артём, все, как мы договаривались, – кивает Вячеслав Сергеевич.

Бугай ухмыляется и поддевает Яна за шиворот.

– Остынь. Вячеслав Сергеевич разрешил любые методы воспитания.

Я в ужасе наблюдаю за происходящим, нервно отгрызая ноготь на мизинце. Гелевое покрытие отдирается до середины ногтевой пластины.

– Ника, – мама наконец-то подает голос, – я полечу к бабушке с тобой. Поприсутствую на выпускном. Пока идут экзамены, купим платье, туфли. Ты сказала, что ребята собираются после ресторана на дачу, скажешь мне потом, сколько нужно будет денег.

Я смотрю на маму, чувствуя, как по телу растекается тепло. Мое настроение меняется, но одно я знаю точно. Кажется, я окончательно запуталась.

– Почему Вячеслав хочет отправить Яна к нашей бабушке? – спрашиваю маму уже в своей комнате.

– Он слышал наш с тобой сегодняшний разговор. Сказал, что Яну будет полезно немного поработать...

– Ему не кажется, что он лишь сильнее так испортит отношения с сыном?

– Доченька, быть родителем сложно, – мама берет меня за руку. – Не все справляются идеально. Я вот, например. У

Славы длительная командировка, его почти до сентября не будет в стране, я полечу с ним. А оставлять вас здесь одних...

– Я поняла, – натягиваю на лицо улыбку.

Недоверие. Самое страшное, что только может быть, это недоверие близких тебе людей. Бабушка никогда мне не доверяла. Я пару раз застукивала ее за тем, как она копалась в моей сумке, обнюхивала вещи, боясь, что я курю или, не дай бог, таскаю с собой презервативы, а значит, с кем-то сплю.

Это так смешно, особенно если учесть, что я и целовалась-то пару раз.

Этой зимой за мной ухаживал одноклассник. Провожал из школы, мы всегда выбирали самый длинный путь, чтобы подольше побыть вместе. Но, стоило бабушке пару раз увидеть, как мы болтаем у дома, наши свидания прекратились, как и общение.

Она устроила мне скандал, сказала, что думать надо об учебе. Будто я о ней не думала... Золотая медаль сама по себе не появится. А учителя не будут отправлять на всероссийские олимпиады ту, кто ни черта не учится.

– Завтра нам с тобой нужно съездить и купить бабуле подарок. – Мама поправляет стопку книг, лежащую на моем столе. – И собрать чемоданы.

– Хорошо. Я хотела спросить по поводу поступления.

– Не переживай, считай, что ты уже поступила.

– Но я могу пройти на бюджет.

Честно говоря, мысль о том, что я столько лет училась на

пятерки сквозь пот и слезы, а теперь вот так просто пойду на платное, удручает. Возможно, кто-то другой бы обязательно порадовался, но в моем случае такое ощущение, что все это было зря. Столько лет не поднимаю головы от книг впустую?

– Поступить – это одно, другое дело – учиться.

Мама как-то странно оглядывается, будто ищет поддержки у стен.

– Учиться на бюджете сложно, и я не хочу, чтобы ты лишний раз переживала.

Мы еще минуты две молчим, после чего мама уходит, пожелав мне спокойной ночи.

Я уже готовлюсь ко сну, когда дверь в комнате открывается снова.

– Ну и чем занимаются летом в вашем городе? – Ян без приглашения проходит в комнату и садится на подоконник, перед этим не без иронии осмотрев подушечки и мягкое покрытие.

– Купаются, загорают, – перечисляю без энтузиазма. Я летом чаще всего убирала комнаты после выезда и заезда новых постояльцев. Занималась закупкой продуктов и бытовой химии. Приводила в порядок клумбы, полы мыла...

– Тухло. Но есть идея, – Гирш загорается коварной улыбкой, а у меня пальчики на ногах поджигаются. Бабушке все его «идеи» не придутся по вкусу...

Глава 5

Ника

Весь следующий день мы с мамой катаемся по городу. Сначала выбираем ба подарок, потом она заезжает в свой магазин и показывает владения, с сожалением рассказывая, что открытие все же было решено перенести на сентябрь. После мы едем обедать. Я заказываю семгу на гриле и рыбный салат с умопомрачительным ореховым соусом.

Разговариваем мы много. В основном болтаем о всякой ерунде. Долго обсуждаем платье на выпускной, какое оно должно быть: короткое, длинное, пышное, облегающее. Останавливаемся в итоге на светлом варианте с открытым плечом из струящейся, легкой ткани.

Пару раз маме звонит Вячеслав Сергеевич, интересуется, как у нас дела. Судя по тому, что завтракали мы вдвоем, без Яна, мамин муж пребывает не в самом хорошем расположении духа. Он злится на сына, а тот злится на него. Скоро еще и бабушка моя обоих Гиршев проклинать начнет. Я больше чем просто уверена, что от Яна она будет не в легком шоке, а в глубочайшем ужасе. Соответственно, и отца его возненавидит за то, что он своего сынулю к ней сплавил.

В Барвиху мы возвращаемся ближе к ужину. Мама с Оль-

гой обсуждают наш завтрашний вылет, составляют списки какие-то, я же бесцельно брожу по придомовой территории. Минут десять сижу у бассейна, наблюдая за ярко-голубой водной гладью, еще полчаса блуждаю по саду, рассматривая шикарный ландшафтный дизайн. Великолепная посадка деревьев, камни, газон. В глубине территории пруд с рыбами и зона барбекю с огромной крытой беседкой.

– Я тебе ничего не обещал. Сама придумала. Все, часов в десять жди. Ладно, с меня ужин, как-нибудь на неделе. Где? Да без проблем.

Слышу знакомый голос и замираю. Кручу головой по сторонам, пытаюсь понять, откуда до меня доносятся звуки.

– На все лето. У него маразм, походу.

Мои глаза наконец находят макушку Яна. Я вижу его в просветах массивной кустовой посадки. Он сидит на качелях-диване, ко мне спиной. Слабо отталкивается ступней от земли. Темные волосы убраны назад, на нем светлая футболка и синие джинсы.

Подслушивать чужие разговоры плохо, и я уже собираюсь вернуться в дом, но Гирш так заразительно смеется, что я продолжаю стоять на том же самом месте как истукан. Меня будто к земле прибили.

– Вечером заеду, отсосешь по-быстрому...

Гирш продолжает смеяться, а я вспыхиваю.

Так, нужно срочно отсюда уходить. Делаю маленький шаг назад, а потом, резко развернувшись, бегу в сторону дома,

очень надеюсь, что он меня не заметил.

В гостиной сталкиваюсь с мамой, она улыбается и начинает детально рассказывать про завтрашний перелет. Предупреждает, что вставать придется часов в шесть, чтобы не опоздать. Киваю и прошмыгиваю к лестнице, все еще пребывая под впечатлением от услышанного. У Яна есть девушка?

В комнате быстро собираю свой маленький чемодан и переодеваюсь к ужину. Меняю летний сарафан на свободные спортивные брюки и футболку. Мама за все время, что я здесь, выглядит как звезда глянца. С уложенной прически, накрашенная, в шикарных нарядах. Я на ее фоне блекну.

Взбиваю ладонями волосы и заправляю футболку в штаны. Пока смотрю на себя в зеркало, мой телефон начинает жужжать.

Прежде чем ответить, выдыхаю, потому что очень боюсь, что мама все ей рассказала про мой «культурный отдых».

– Привет, бабуль, – улыбаюсь своему отражению и ставлю телефон на громкую.

– Никуша, ты совсем что-то не звонишь.

– Утром же только...

– Так когда это было? Мать твоя где?

– Вещи, наверное, собирает.

– Она серьезно решила с тобой лететь сюда на две недели?

По бабушкиному голосу легко понять, что эта идея ей не по вкусу.

– Решила, – киваю и поджимаю губы, будто ба стоит прямо

передо мной.

– Столько лет на пару дней в месяц являлась, а тут целых две недели.

– Бабуль, – скребу пальцем по поверхности стола, – а мама тебе ничего не рассказывала?

– О чем? О том, что она полетит вертеть хвостом перед своим мужиком, а детей снова скинет на меня?

Значит, сказала только про Яна. Выдыхаю. Если бабушка узнает про эту ужасную ночь, она меня и на порог не пустит.

– Ну, все не совсем так.

– А как? Звонил вчера этот ее, Вячеслав. Весь такой вежливый. Подхалим, одним словом.

– Ты бы могла отказать.

– Дом уже лет пять как ремонта требует, мать, что ли, твоя обои сюда клеить поедет? А этот ее Славик и людей наймет, и оплатит все. Ты вон приедешь на все лето, тоже мне поможешь. А то укажишь потом на свою учебу, а про бабку и не вспомнишь.

– Ну что ты такое говоришь?

– А что, не так?

Бабушку начинает нести, она по сотому кругу ругает маму, напоминает мне, что она нас бросила и теперь откупается, но мы не гордые, и, раз уж все так складывается, пусть «доченька» хотя бы материально вложится, раз по-другому ума не хватало никогда.

– Бабуль, не нервничай...

– Я спокойна, Ника. Что хоть там за свинота такая с тобой приедет?

Ну вот так, Яна она еще не видела, но теплых чувств к нему уже не испытывает. Я бы даже сказала, что нейтральными не пахнет.

– Просто парень, мой ровесник, ну, чуть постарше.

– Совсем пропащий, что ли? Раз его батрачить на все лето отправляет папка?

– Своеобразный.

– А мне уже давно не сорок, – бабуля вздыхает, – ладно, утром позвони, как в аэропорт поедешь, и вечером сегодня звякни.

– Хорошо. По...

Договорить не успеваю, бабушка вешает трубку.

– Свинота – это я?

Я вздрагиваю и резко разворачиваюсь к двери. Ян стоит привалившись плечом к косяку. Он был тут все это время?

– Подслушивать нехорошо.

– Я беру пример с тебя, – он подмигивает и широко улыбается. – Я тебя заметил в саду.

Выдавливаю кривую улыбку.

– Добрая у тебя бабка.

– Не хами, – прищуриваюсь.

Ян выставляет ладони вперед и проходит вглубь комнаты. Осматривается и без разрешения заваливается на кровать. Прямо в кроссовках. У меня от этого глаз начинает дергать-

ся.

– Я сегодня еду в клуб. Ты со мной?

– Нет, спасибо за приглашение.

– Струсил? – он продолжает улыбаться.

– Обещала маме. Сними кроссовки, – сглатываю и смотрю на его подошвы.

Гирш лениво тянется к ногам и скидывает обувь. Я почему-то была уверена, что начнет возмущаться.

– Скучно с тобой, Ника. – Вытаскивает мою подушку из-под покрывала и кладет себе под голову.

– Да, я скучная, – бормочу себе под нос, убирая волосы за уши. – Там ужин уже, – кошусь на дверь и беру свой телефон. – Я пойду.

Выхожу из комнаты, полностью игнорируя, что Ян остался внутри. Брать там нечего все равно.

Пока спускаюсь вниз, в голове так и вертится это его: «Скучная».

– Спасибо, – благодарю Ольгу, которая накрыла на стол.

К ужину я спустилась самая первая. Тарелки еще пустые, но все уже очень красиво сервировано.

Мама с Вячеславом приходят уже после меня. Я к тому времени успеваю сесть на свое место и сфотографировать зажженные свечи в подсвечнике.

– Ника, сегодня лечь пораньше нужно.

– Да, я так и собиралась, – киваю и прижимаюсь к спинке стула, потому что Ольга ставит передо мной тарелку.

– Оль, Яна позови, – просит Вячеслав, когда женщина заканчивает подавать блюда.

– Конечно, одну минуту.

Стук ее низких каблуков слышен буквально несколько секунд после того, как она покидает обеденную зону и спешит к лестнице.

Еще минут через пять сверху доносится вопль Яна: «Сам пусть все это жрет!» За которым следует громкий хлопок двери.

Ольга возвращается с непроницаемым выражением лица.

– Он...

– Я слышал, – Вячеслав шумно выдыхает и, упираясь кулаком в поверхность стола, поднимается на ноги. – Минуточку, девочки, я сейчас вернусь.

Мама пожимает губы и гладит мужа по руке. Он ей улыбается и покидает нас.

– Не понимаю, как у Славы только хватает выдержки, – вздыхает мама.

– У них так всегда?

– Всегда.

– Из-за чего? Мне показалось, что Вячеслав Сергеевич неплохой...

– Он очень хороший, Ника. Слава просто замечательный человек, – мама говорит с таким теплом, что я и сама чув-

ствую, как попадаю в огромный, излучающий свет шар. – Ян бесится из-за развода. Слава с женой больше двух лет уже не вместе, но Ян его не простил до сих пор.

– Из-за чего они развелись?

Мама опускает взгляд.

– Это тайна?

– Бывшая жена Славы подсела на наркотики, – шепчет мама. – Он ее лечил, пытался вытащить. Принудительно и по ее согласию, но ничего не помогало. В итоге он просто опустил руки. Развелся.

– Он бросил ее в такой ситуации? – я вопрошаю отрывисто, не без возмущения, за что получаю мамин строгий взгляд.

– Все гораздо сложнее, Ника, когда человек не хочет, чтобы ему помогали, его ничего не спасет. Диану не останавливал ни любящий муж, ни сын. Они прожили шестнадцать лет, восемь из которых были отданы на борьбу с этой болезнью...

– Она же жива?

– Да. Слава помогает ей материально, до сих пор периодически определяет в рехаб, но толку от этого ноль. Как только она попадает в привычную среду, все начинается сначала. Ян с ней общается, ему ее жалко, вот он и бесится. Славу считает виноватым во всем. А когда мы решили пожениться, вообще с катушек слетел. Стал просто неуправляемым.

В гостиной слышатся шаги, и мы с мамой умолкаем. Как

по команде, начинаем ковыряться вилками в тарелках.

– Всем приятного аппетита, – Ян выдергивает стул и усаживается за стол.

Вячеслав появляется сразу за сыном.

– Ладушка, может, вина?

– Конечно, дорогой.

Ян на эти разговоры лишь ухмыляется и крепко сжимает в руке столовый нож.

– Главное – не подавитесь, – выдает громко.

Я тут же еще более усиленно начинаю пялиться в свою тарелку.

– Ника, тебя вот не тошнит от этих соплей? – он поворачивается ко мне. – Милая, дорогой, – передразнивает мою маму и своего отца капризным, раздражающим голосом.

– Меня это не касается, – проговариваю четко. – Мы все взрослые люди.

– Когда он твою мать кинет и променяет на соску помоложе, я уверен, ты меня поймешь. Ну так че? Пить-то будем?

– Пошел вон из-за стола! – Вячеслав Сергеевич говорит максимально спокойно, несмотря на то, что покрывается красными пятнами.

– Ты же так меня сюда звал. На что ты, бля, надеялся?

– Следи за языком.

– Или натравишь на меня своего Артёмку? Ха! Оля, тащи вискарь! – орет на весь дом Ян.

– Я пойду, спасибо, – вышмыгиваю из-за стола.

Мне неприятно здесь находиться. Вся эта злость, агрессия – они просто убивают. Мне за мою жизнь и так всего этого добра хватило.

– Уже наелась? – снова Ян. – Может, выпьешь с нами? Ника!

Качаю головой и спешу к выходу.

– Да ладно тебе, мы три месяца будем сидеть с твоей бабкой и смотреть по вечерам новости.

Не слушаю его и взбегаю вверх по лестнице. Боже, он такой же, как и все те гадкие парни, которые вечно надо мной стебались из-за строгой бабушки и моего нежелания идти у них на поводу. Точнее, моего страха послушаться бабулю.

Это ведь позорно, когда тебя так опекают родители...

В комнате сразу открываю окно, потому что организм просто требует свежего воздуха. Возможно, будь я смелее, выбежала бы сразу на улицу. Но мама может подумать, что у меня тоже какой-то приступ подросткового протеста, поэтому я тихо-мирно забираюсь в комнату, из которой не выйду до утра. А ближе к ночи, когда я уже решаю ложиться спать, Гириш вваливается ко мне снова, как к себе домой.

– Уйди, – заявляю жестко. – Я не хочу с тобой сегодня больше разговаривать.

Смотрю на него не без злости и костерю себя за то, что забыла закрыть дверь на ключ.

– Я, – он чешет затылок, – вообще, извиниться пришел. Был не прав.

– Ты хам и...

– И?

– Просто выйди.

– Или что? – делает шаг ко мне, потом еще один и еще.

Он подходит слишком близко. Смотрит сверху вниз. Я чувствую, что от него пахнет алкоголем. Он уже вернулся из клуба? Или куда он там ездил?

Я сижу на кровати, а он нависает надо мной коршуном. Давит взглядом. На извинения это мало похоже.

– Да ладно, не дуйся. Переборщил, признаю. Поехали в клуб.

– А ты разве не оттуда?

– Не, – он потягивается, перекатываясь с пяток на мыски, – другие дела были. Так поедешь?

– Никуда я с тобой не поеду. В прошлый раз это закончилось плохо.

– Потому что ты не умеешь себя контролировать, Ника. Врешь, пьешь, танцуешь на баре и целуешься с девчонками, – он проговаривает это с таким азартным блеском в глазах, что у меня во рту пересыхает.

Я теряюсь и не понимаю, чем могу парировать.

– Ты классная, – снова улыбается, присаживаясь передо мной на корточки. – Красивая, – его рука ложится на мое колено, медленно начиная ползти вверх.

– Что ты делаешь? – в ужасе смотрю на его пальцы, приближающиеся к внутренней стороне бедра.

– А на что это похоже?

– Ты больной, – скидываю его руку.

– Плохой ответ, Ника. Я, вообще-то, хотел с тобой дружить.

– Когда лапал?

– Когда представлял твои губы на своем члене.

Поперхнувшись слюной, я вскакиваю. Ян так же резко вырастает во весь рост, из-за чего я со всей дури бьюсь макушкой о его подбородок.

Глава 6

Ника

Пока он матерится и растирает подбородок, который я протаранила своей головой с такой силой, что у него зубы клацнули, из меня будто дьявола изгоняют.

Я кричу. Визжу, как пожарная сирена, забиваясь в угол подальше от него. Продолжаю вопить, но на мой истощный визг никто не приходит.

Чувствую на себе взгляд, полный ненависти, и от бессилия кусаю губы.

– Здесь отличная шумоизоляция, – без тени улыбки поясняет Гирш. – Раньше это была моя комната, и я часто играл на гитаре.

Он подходит к двери и закрывает ее изнутри.

– Но, если кто-то вдруг появится, скажешь, что приснился кошмар, – его слова звучат как приказ.

– Чего тебе от меня надо? – обнимаю себя руками.

– Чтобы все было как раньше. Будто ты только что появилась в нашем доме, и того, что сейчас произошло, просто не было.

– Ты меня...

Мои губы дрожат. Я чувствую, как горит кожа на бедре, в том месте, где он прикасался. Это ужасно. Все это ужасно.

Там, в доме его друга, когда я перебрала и обнималась с

тем парнем, это было мое решение. Да, не взвешенное, дурное, но мое. Сейчас он трогает меня против воли, чем пугает до чертиков.

– Что? – Гирш приподнимает бровь и делает широкий шаг в мою сторону.

Плотнее вжимаюсь в стену, наблюдая за тем, как он приближается.

– Уходи. Пожалуйста, уйди, – смотрю ему в глаза. Там тьма. Они у него не отражают ни единой эмоции.

Ян продолжает надвигаться прямо на меня. Его ладонь упирается в стену над моей головой, а чуть согнутое колено задевает ногу.

– Это хреново, Глупость, – выдает с легкой усмешкой. – Черт, кажется, я серьезно хочу тебя трахнуть.

Он шумно выдыхает, а я чувствую резкий запах алкоголя. Сколько он выпил?

– Но я не хочу, – качаю головой. – Понимаешь?

– Угу.

Ян снова растягивает губы в улыбке.

– И это очень бесит, Ни... ка. Так бесит, что все это становится только интересней. Выдыхай. Насильно я с тобой ничего делать не собираюсь. Нет так нет, – пожимает плечами. – Ты многое теряешь, – он откровенно ржет, а потом отшатывается и сует руки в карманы.

Я все еще стою у стены. Кажется, что, если хотя бы попробую шевельнуться, он воспримет это как согласие. Поэтому

продолжаю обездвиженно на него пялиться.

– Я ничего никому не скажу, – выдаю приглушенно, – но ты должен пообещать, что больше никогда так не сделаешь.

Сглатываю. Во рту слишком сухо. Мой пульс зашкаливает, а комната почему-то начинает сжиматься. На висках выступает пот.

Ян кивает. Еще где-то минуту рассматривает меня в полной тишине и, развернувшись на пятках, выходит из комнаты.

Как только дверь хлопает, я сползаю на пол, но быстро соображаю, что дверь по-прежнему не заперта. Сорвавшись с места, проворачиваю ключ и, сотрясаясь от слез, опускаюсь вниз.

Господи, какой я была душой, когда и правда поверила, что он может быть моим другом...

В самолете слишком душно. Я настраиваю поток воздуха на максимум, но все равно не могу избавиться от липкого пота между лопаток.

Вытягиваю ноги и, закусив губу, смотрю в иллюминатор. Мы уже больше часа в воздухе. Пушистые облака похожи на снег, и мне очень хочется их потрогать.

Мама сидит рядом, листает какой-то журнал. На столике между нами стоит бокал с ее шампанским. Кажется, это четвертый по счету. Еще на посадке она с дрожью шепнула, что до ужаса боится летать.

Очерчиваю взглядом спинки кресел перед нами и, откинувшись на свою подушку для шеи, закрываю глаза.

Ночью я так и не смогла уснуть. Прислушивалась к каждому шороху. Боялась, что он снова вернется. Даже кровать не расправила. Так и просидела на подоконнике до рассвета, притянув к груди колени.

Завтракали мы с мамой вдвоем уже в аэропорту. Туда нас провожал Вячеслав Сергеевич лично. Яна я нигде не наблюдала, но облегчение пришло ко мне, лишь когда села в самолет. Как только шасси оторвались от взлетной полосы и я поняла, что теперь-то он точно не появится, выдохнула.

Впереди целых три месяца лета. Почти девяносто дней, когда этот человек будет находиться поблизости, и даже после этот кошмар не закончится. Я буду жить в его доме все время обучения в университете. Возможно, со второго курса найду подработку и смогу снять комнату, чтобы съехать, но до этого слишком далеко. По ощущениям так вообще целая жизнь.

Распахиваю веки, лишь когда самолет уже готовится к посадке. В аэропорту нас ждет водитель. Вячеслав арендовал машину, чтобы мы с комфортом добрались до бабушкиного дома.

Бабуля встречает нас не в самом лучшем настроении. В ванной комнате на втором этаже потек кран, а через час должны заехать новые жильцы. Так что она не просто расстроена, она мечет молниями. На мамино приветствие так

вообще не реагирует, а когда речь заходит о подарках, только фыркает и резко поднимается из-за стола.

– К соседу схожу, может, он дома, – сообщает ба, – кран посмотрит хоть.

Мама поджимает губы. Осматривается, а когда бабушка уходит, расправляет плечи. Я и раньше замечала, что в присутствии ба мама выглядит очень скованной. Ее терзает чувство вины, может быть стыда, не знаю. Она, конечно, улыбается, шутит, но ощущает себя в этом доме чужой.

– Может, просто вызвать мастера, Ника?

Я закатываю глаза. Можно, конечно, но тогда придется выслушать лекцию о расточительности. Ведь если сосед дома, то ремонт нам обойдется почти бесплатно. Ба вручит ему бутылку домашнего вина, которой дяде Володе будет более чем достаточно. Он живет один. Работает вахтами на Севере и часто выпивает, когда дома.

– Припаси это на крайний случай. Я пойду посплю. Устала с дороги.

Забираю со стола свой телефон и, оставив маму в одиночестве, поднимаюсь к себе.

На самом деле я не люблю лето на побережье. Дом превращается в проходной двор от наплыва туристов. На пляже и центральных улицах творится то же самое. И так из года в год.

Закрываюсь в комнате на шпингалет и забираюсь на кровать. Телефон в этот момент вибрирует. Открываю мессен-

джер, чтобы прочесть сообщение, и чувствую, как кровь отхлынула от лица. Меня начинает потряхивать.

Я на повторе смотрю видео, где я танцую на барной стойке, а потом целуюсь...

«Как тебе кино?»

Сообщение прилетает, как только я успеваю досмотреть видео во второй раз.

«Зачем ты это делаешь?»

Печатаю дрожащими пальцами. Внутри все сжимается и холодеет. Это открытый шантаж, но пока без условий. Я уверена, что вот-вот Ян попросит что-то взамен, чтобы это видео никто и никогда не увидел. Но даже так у меня не будет стопроцентных гарантий.

«Ты же сама все понимаешь, Ника».

«И какова цена?»

«Ты станешь моей карманной игрушкой на все лето. Хоть какое-то развлечение в вашей дыре. Если будешь умницей, никто и никогда это не увидит. Например, твоя бабушка».

Отшвыриваю от себя телефон. Дышу. Часто-часто.

Если бабушка это увидит, она грудью ляжет, но ни при каких обстоятельствах не отпустит меня учиться в Москву. Даже мама не будет мне помощницей, она просто ничего не сможет сделать, вот и все. Да и не скажет она ба слово поперек, скорее, снова сбежит от нас, боясь испортить отношения еще сильнее.

«Хорошо. Но нужны четкие правила».

Печатаю затаив дыхание.

«Никаких рамок».

«Совсем?»

Это мне совершенно не нравится. Я даже представить не могу, на что способна его извращенная фантазия. Что он может сделать?

Перед глазами плывет картинка толпы смеющихся. Я убегаю вся в слезах. Полностью опозоренная. А они продолжают смеяться мне в спину.

«Если ты про секс, то это только по желанию. Учитывается мнение обоих в этом вопросе».

В конце сообщения Ян ставит подмигивающий смайлик, а я, кажется, готова задушить его голыми руками.

Сама виновата. Сама решила, что он нормальный. Но он же и правда казался адекватным. Это же дикость – все эти картонные истории о ненависти между сводными.

Что мне теперь делать?

«Я тебе не верю. Ты можешь шантажировать меня этим до конца дней».

«А смысл? Я не люблю повторений. Твой ответ?»

Мой ответ? Да он же очевиден. Разве я могу сказать нет в такой ситуации?

Могу, наверное, только вот последствия...

Я всю жизнь боюсь разочаровать бабушку. Она вложила много сил в мое воспитание, практически заменила мне ма-

му, и я просто не могу нанести ей такой болезненный удар прямо в спину.

«У меня есть одно условие».

«Не в твоём положении ставить мне условия, но я слушаю».

«Ты ко мне не прикасаешься. Вообще, совсем. Никак».

«Ок».

Больше он ничего не пишет. Ни сегодня, ни через день и даже ни неделю спустя.

На горизонте маячит выпускной, но Гирш меня не беспокоит. Я успеваю немного успокоиться и не думать про это дурацкое видео.

За время экзаменов к нам заселяются три семьи. Одна из них отдыхает у нас уже пятый год подряд – мать, отец и сын на год младше меня. Две другие – молодая парочка и пожилая женщина с внуком.

– Ника, ты пол вымыла? – бабушка заходит в кухню с бигудями на голове.

Завтра у меня выпускной, и кажется, к этому событию они с мамой готовятся тщательней меня.

– Помыла еще в обед.

– Хорошо. Таня тебя завтра в восемь утра ждет.

Таня, бабушкина подруга, работает в парикмахерской на нашей улице. В профессии она не один десяток лет, но за трендами не следит. Они с ба уже выбрали причёску и хотят

сделать мне зализанный пучок. Тетя Таня мне волосы так затянет, что искры перед глазами мелькать будут.

– Мам, мы же с тобой это обсуждали, я на завтра договорилась с девочкой, очень красивые прически делает, посмотри, – мама протягивает бабушке телефон, вступая на минное поле своими словами.

– Я уже договорилась с Таней. – Бабушка даже не смотрит на то, что мама хочет ей показать. – Время забронировано. Отказываться накануне записи неприлично просто. И вообще, волосы убрать наверх нужно.

– У Ники красивый, плотный волос. Ей будет очень хорошо такая укладка, посмотри только.

– Вы уже платье выбрали, Лада. Тряпка тряпкой. Стыдоба. Все как приличные люди придут в длинных, пышных платьях, а наша?!

Если ты не «баба на самоваре», значит, платье не нарядное – логика моей бабушки.

– Ну мам, Таня твоя еще мне прическу на выпускной делала, и я уверена, что в ее портфолио до сих пор ничего не изменилось. Сейчас в моде легкость, естественность, а не искусственные цветы в волосах.

– Где ж ты раньше такая умная была, а, Лада? Пока я Нику от ангины в десять лет лечила или как с ней в инфекционке лежала, когда ей только четыре исполнилось. Где ты все это время была? Очень просто появиться и строить из себя хорошую мать, когда ни черта сама ребенка не воспитывала!

Я все это время смотрю в окно. Данные разговоры происходят из раза в раз. Каждый мамин визит бабушка ее отчитывает, а та молча все это слушает.

– Знаешь что, мама! Я, конечно, ужасный родитель, но не позволю испортить моему ребенку праздник! Не нравится ей эта прическа, и платье с пайетками твое тоже не нравится.

– А может, бабка ей тоже родная не нравится?

Две пары глаз устремляются на меня. Я сглатываю. Смотрю на них и просто хочу сбежать. Подальше.

– Завтра в восемь я пойду к тете Тане, – выдаю без эмоций. – Вытру воду у бассейна, чтобы никто не убился.

С этими словами я выхожу на улицу через кухню.

– Ника, – мама хватается меня за руку уже во дворе, – тебе же не нравится эта дурацкая прическа.

– Не нравится, но ты через два дня улетишь, а мне с ней все лето жить. Она не раз припомнит.

Устало огибаю маму и вытаскиваю швабру из уличного шкафчика. Вытираю лужи и присаживаюсь на край шезлонга. Бассейн у нас маленький, два на три метра. Но даже за такой клочок, наполненный водой, суточную цену на жилье можно повесить.

Чувствую, что мама так и не ушла. Стоит на крыльце и смотрит в мою спину.

За воротами шуршат колеса. Слышатся хлопки дверей. Поворачиваю голову, когда открывается калитка, и устало прикрываю глаза.

– Не ждали? – Ян вальяжно заходит во двор, не без презрения осматривая территорию. – У вас даже личная лужа есть, – ухмыляется, стреляя взглядом в бассейн. – Ника, – взмахивает рукой, – я спешил. Очень хотел попасть на твой выпускной.

Его улыбка выглядит настолько гадкой, что я готова застрелиться.

Глава 7

Ян

Почти сутки в дороге. Мой личный цербер молчал на протяжении двадцати семи часов. Вцепился в руль и ехал с каменной рожей, даже в отеле, где мы останавливались, тупо стучал в дверь, что означало – выдвигаемся.

Наблюдаю за тем, как моя «тень» (всю дорогу он парится в черном костюме) вытаскивает из багажника чемоданы, и толкаю железную калитку.

Глупость сидит на шезлонге, мамаша ее тоже здесь. Семейка в сборе. Бабки только не хватает.

Бегло сканирую пространство. Двухэтажный дом квадратов на сто пятьдесят и крошечный двор с лужей вместо бассейна.

– ...я спешил. Очень хотел попасть на твой выпускной.

Ника пялится на меня, словно я привидение. Я нарочно пропал с радаров на две недели, чтобы она успокоилась и внушила себе, что все будет хорошо. Не будет. Рано радуешься, Глупость. Очень рано.

Это прекрасный прием – дать своему противнику шанс зажить привычной жизнью, оставить в покое на какое-то время, и вот, когда его психика решит – ничего страшного больше не произойдет, появиться. Да погромче.

– И где моя комната? – сбрасываю на землю рюкзак.

– Явился, – сухой едкий голос доносится откуда-то сбоку. Медленно поворачиваю голову.

А вот и наша бабуленция, которой эти две дуры так стремятся.

Улыбаюсь и сую руки в карманы. Перекатываюсь с пяток на мыски, отражая хищный взгляд старушки. Она быстрее дыру во мне прожжет, чем хоть немного смутит.

– Здрасьте, баб Сим, – улыбаюсь шире. – Хороший дом, за сколько сдаете? Рублей за триста в сутки?

Бабка прищуривается. Ника пялится на нас во все глаза.

– На веранде спать будешь, лето. Не продует, – выносит вердикт хозяйка дома.

– Без проблем. Тёма, шмотки мои занеси... Куда ему идти?

– Я покажу, – лопочет Ника и быстрым шагом идет в сторону дома. Артём двигает сразу за ней.

– Че, у вас винишко-то домашнее есть, баб Сим? Бухнем?

– Ну и стервец.

– Я вам не грубил, – снова осматриваюсь и вытаскиваю телефон. Жрать охота. Быстро прошариваю ближайшие геолокации с нормальными заведениями и разворачиваюсь к забору. Делаю шаг.

– Куда собрался? – бабка все никак не уймется.

– Вообще, это не ваше дело, но, так и быть, поделюсь. Я еще не обедал. Пойду задегустирую, чем у вас тут кормят.

– Ян, Слава велел тебе никуда без Артёма не выходить, –

пищит мачеха.

– Ладушка, – смотрю на нее через плечо. – Мне похер. И на папулины распоряжения, и на твои попытки меня воспитывать.

Бабка в это время с интересом за нами наблюдает, а когда ее дочка поджимает губы и затыкается, выдает:

– Ладка, чего встала? Иди суп разогревай. Не видишь, барин кушать изволит?

Мачеху тут же как ветром сдувает. Какая, блядь, послушная.

– А вы с юморком, – смеюсь и снова разворачиваюсь к бабке лицом.

Пожалуй, я действительно поем здесь. Становится все интересней.

– Ну пошли.

Шагаю следом за бабуленцией, продолжая осматриваться. На первом этаже мы попадаем сразу в кухню. Насколько понимаю, заходим в дом не с центрального входа.

Небольшое помещение с повидавшей жизнь мебелью и запахами жарчки. Они тут что-то жарили и пекли.

– Кроссовки сними, – снова бабка, – не дома.

– Вообще-то, дома, – пожимаю плечами. – На ближайшие два месяца отец купил вас с потрохами, баб Сим, – добавляю тише, но так, чтобы она слышала. Расстояние между нами маленькое.

Старушка бросает на меня раздраженный взгляд, но ни-

чем не парирует.

— Ника! — орет на весь дом так, что Ладка, помешивающая какую-то бурду в кастрюле на плите, вздрагивает.

— Да, бабуль.

Малинина прибегает на клич как собачка, единственное, тапки в зубах не принесла. У них тут все еще более запущенно, чем я предполагал. Она эту старуху как огня боится. Будто она и правда может ей что-то сделать.

Ночью я приехал от Машки, сильно переборщив с текилой. Мы с ней трахались и бухали. Какого я поперся тогда к Нике в комнату, понятия не имею. Определенного ответа у меня нет. Хотя, когда в твоём доме живет деваха с шикарной задницей, было бы странно ее игнорировать.

Мой дружок был абсолютно не против, чтобы я ее нагнул и трахнул в ту ночь. Факт.

Глупость чуть не описалась от страха, и весь мой план полетел к чертям. Не хотел же напрямую. Хотел выждать, поиграть в дружбу и доверие. Дебил, сам все закосячил, а утром соображал, как выкручиваться из этой ситуации. Она же теперь ко мне ближе чем на пару метров не подойдет. А я так не хочу.

Впереди, между прочим, все лето. Глупость будет рядом двадцать четыре на семь. Ну не могу же я и правда оставить ее в покое. Пришлось вскрывать карты. Показать ей видео и намекнуть на последствия. Она повелась. Это же Ника.

Теперь ее ждет шестьдесят незабываемых дней в роли мо-

его развлечения. Да. В договоре говорится, руками не трогать... Но если не руками?

Смеюсь, понимая, что все в кухне при этом стоят с кислыми минами.

– Че все такие грустные? Лето же. Кайф.

Ника с Ладой быстро сервируют стол, ну, точнее, просто расставляют тарелки. Даже вон Тёмку пригнали пожрать.

– Присаживайтесь-присаживайтесь, – настаивает бабка в ответ на Тёмкины отговорки. Не привык он с женой хозяина и его сыном за одним столом жрать.

– Правда, Артём, садись, – это уже Лада.

Какие все гостеприимные, аж блевать тянет.

Ника в это время уже успела сесть на стул. Выдвигаю для себя тот, что рядом с ней.

Когда падаю на сидушку, Ника вздрагивает и отползает на противоположный край, так, чтобы не дай бог со мной не соприкоснуться.

– Так что там с вином, баб Сим?

– Обойдешься.

– Злая вы женщина, – вздыхаю, откидываясь на спинку стула и вытягивая ноги.

Их грибной суп оказывается сносным. На самом деле я непривередлив в еде. Мне абсолютно без разницы, готовил это шеф-повар или вон баб Сима. Даже Ладкины запеканки я вполне себе жру, не без ядовитых комментариев, но это так, для веселья. Готовит она на самом деле нормально.

Плюс иногда я просыпался в таких местах и ел с похмелья такое говно, что этот суп просто произведение искусства.

— У меня вопрос, — тяну руку, словно в школе, не без улыбки, — во сколько завтра у Ники выпускной?

— А тебе зачем? — осведомляется Лада.

— В смысле? Вы с отцом оставили меня без тусовки. Так что я планирую наверстать здесь.

— За ресторан уже уплачено. Ровно три места, — вмешивается бабка. — А на дачу Ника не едет, так что и тебе там делать нечего.

— А зачем она в ресторан идет? Аттестат бы забрала, и домой. — Отламываю хлеб. — Мне вон его прямо домой доставили, лично папке в руки.

— Мам. — Лада скребет ногтями по столу. — Вообще, Ника едет на дачу.

— С чего вдруг?

— А почему нет? Все ребята из класса едут.

Баб Сима бросает на Ладку гневный взгляд.

— Ты уже один раз на своем выпускном на дачу съездила, потом девять месяцев из дома не выходила.

Над столом повисает тишина. Ника резко отодвигает стул и выбегает из кухни. Пару секунд смотрю ей в спину, а потом снова на Ладку. Та молча смотрит на свою мать, вот-вот разревется.

Вау, да эта старушка мне все больше нравится. Она и без моей помощи этих дур от души унижает.

Обед заканчивается на минорной ноте. Все рассасываются из кухни. Ника, Лада, даже Тёма сваливает. Остаемся я и бабуська.

Кручу в руках телефон, наблюдая, как она тусит у плиты.

– Тебя отец за длинный язык из дома сплавил?

– Ха-ха. За плохое поведение. Сначала по роже съездил, а потом решил подключить дополнительные меры воспитания.

– А мать твоя где? – Баб Сима кладет тарелки в посудомойку.

– Она сторчалась.

Вытаскиваю одноразку (прим.автора. – курительное устройство) и затягиваюсь.

– Чего?

– Наркоманка, говорю. Отец лечил, а потом в какой-то момент притащил домой вашу дочку и про мою маму забыл.

Выдаю обыденно. Тема мамы для меня не табу. Она правда давно потеряла ориентиры. Но отец... Он ее просто бросил. Она тогда на поправку шла, почти полгода без единой дозы, а когда узнала, что он женится, ее снова сорвало.

– Ладка его из семьи, получается, увела?

– Ну, фактически нет. Мои родители до ее появления развелись.

– Ясно.

– Слушайте, ни вам, ни мне все это перевоспитание на хер не надо. Давайте будем просто мирно сосуществовать. Я не

доставляю вам лишних проблем, а вы говорите моему отцу, что все прошло идеально. Я понимаю Ладку, она хочет перед отцом выслужиться, вот и строит из себя мамочку, но вы-то гораздо умнее.

– Все серьезно у них, думаешь? – Баб Сима кладет полотенце и садится на противоположную сторону стола.

– Ну, пока он себе помоложе не найдет, ваша дочь будет миллионершей. Так что советую ей делать финансовые накопления, чтобы потом с голой жопой не остаться.

– Язык бы тебе оторвать. Так ненавидеть отца.

– А за что его любить? – приподнимаю бровь. – Кровные узы ничего не значат. Вы от своей дочери тоже не в восторге.

– Чтоб ты понимал?! Иди уже отсюда.

Пожимаю плечами и следуя ее «совету» – ухожу.

Первым делом заглядываю в свою комнату. Кровать, тумбочка, комод какой-то доисторический и куча моих чемоданов. Даже шкафа нормального нет, чтобы все повесить. Но это я исправлю.

Через полчаса оплачиваю свой заказ и выдвигаюсь на разведку. Где тут Никина комната?

Поднимаюсь по лестнице наверх, встречая по дороге воркующую парочку. Они приветливо со мной здороваются. Киваю.

Осматриваю коридор второго этажа. И где тут может жить Ника?

– Малинина, – бормочу себе под нос, – ты где?

Будто по волшебству, дверь в самом конце коридора открывается. Глупость переступает порог, а заметив меня, быстренько вбегает обратно и захлопывает дверь.

– Значит, вот где ты прячешься?! – говорю через дверь. – Открывай давай. Забыла про наш уговор?

Ника мешкает. Заставляет ждать. Минута, две, три. Терпение на исходе. Щелчок.

Дергаю ручку на себя и, переступив порог, прикрываю за собой дверь.

– Миленко, – осматриваю ее комнату.

Нейтральные обои, такая же безликая мебель. Будто проявлять свою индивидуальность даже в интерьере собственной спальни – это табу.

– Ну привет, – плюхаюсь в кресло у окна. – Не ждала меня, да?

– Чего тебе надо, Ян?

Ника забивается в угол на кровати. Смотрит исподлобья.

– Экскурсию по окрестностям.

– Чего?

– Пойдем прогуляемся. Покажешь достопримечательности, чего у вас тут есть?

– В чем подвох?

– Ни в чем. Только переоденься. Шорты покороче надень, – улыбаюсь, рассматривая ее ноги. – Футболку можно тоже покороче.

Ника краснеет и, можно сказать, начинает дышать огнем.

В глазах застывает все ее возмущение.

– Договор забыла? И заметь, я тебя не трогаю. Даже пальцем не коснулся. Все в рамках твоих правил, так что будь так любезна соблюдать мои.

– Выйди, я переоденусь.

– Жду тебя на улице.

Ника спускается минут через пятнадцать. Волосы завязала на макушке в хвост, а шорты и правда надела покороче. С футболкой дела обстоят, конечно, хуже. Она осталась в той же.

– Вы куда? – басит Тёма.

– По набережной прогуляемся, – Ника широко ему улыбается. – Буквально полчаса.

Артём едко в меня всматривается, а потом кивает. Типа дает добро выползти мне отсюда без него.

– У бабули забыла отпроситься, – замечаю, когда мы выходим за ворота.

– Она с мамой уехала на рынок, вернется часа через два.

– Так мы в самоволку, получается, ушли.

– Давай пойдем молча.

– Глупость, ну вот че ты такая ханжа? Лето, свобода, а ты дома сидишь сутками.

Малинина, видимо, решает придерживаться своей тактики и ничего мне не отвечает. Молча шагает вперед.

– Ладно, молча так молча.

Мы переходим дорогу и минут через пятнадцать оказыва-

емся на набережной, под завязку забитой людьми в купальниках. В одежде здесь от силы человек десять.

Последний раз я был на российском юге еще ребенком. В сознательном возрасте, бывало, летал к друзьям в Сочи. Но это небольшой поселок на побережье...

– Мы будем тупо ходить? – притормаживаю, рассматривая водную гладь издалека. Море сегодня спокойное, но усыпанное людьми. Их как тараканов на пляже.

– Ты хотел экскурсию, вот, – Ника разводит руками. – Тут пляж, там дальше – ресторан, если свернуть направо и уйти вглубь, будет парк.

– А прокат машин где?

– Дальше по набережной, там будет отель и рядом прокат.

– Пошли тогда.

– Куда?

– Мне же нужно на чем-то все это время передвигаться, – закатываю глаза и уже хочу схватить ее за руку, но вовремя себя торможу. Правила же.

Ника, заметив, как я выбросил руку, отшатывается в сторону.

– Я помню, – подмечаю сухо. – Не касаться. Пошли.

– Зачем тебе там я?

– С цветом поможешь определиться.

Мы проходим ровно половину пути, когда нам попадают-ся, как выясняется чуть позже, Никины одноклассницы.

– Ника! Привет, – щебечет невысокая блондинка.

– Привет, – подпевает ей вторая. Повыше и с нормальными такими сиськами.

– Это ты с кем? Познакомишь? Я Рая, – представляется первая и тычет пальцем в подружку, – это Милана. Мы с Никой вместе учились.

Глупость натянуто им улыбается, но не спешит меня представлять. Ладно, мы не гордые. Я и сам могу.

– Ян, брат Ники, – улыбаюсь девчонкам. – Сводный.

– Ого, а мы не знали, Никуль, что у тебя есть такой красавчик брат. Мы, кстати, на пляж, с нами пойдете?

– Не ду...

– Пойдем, конечно, – перебиваю «сестренку».

Мы втроем выдвигаемся вперед, и только Малинина нехотя плетется следом.

Так выходит, что идем мы на центральный, переполненный туристами пляж. И судя по редким фразам Ники, местные в сезон сюда редко заглядывают. В основном предпочитают дикие пляжи в отдалении.

На месте девочки-подружки раскручивают меня на бунгало и коктейли. Постоянно хихикают и без умолку болтают. Малинина сидит букой в углу, не раздеваясь до купальника. Хотя я знаю, что он на ней, потому что из-под футболки торчат завязки.

– Мы купаться, Ян, ты с нами? – Рая поправляет чашки лифа так, чтобы я это видел.

– Идите, сейчас подойду.

Они кивают и двигаются в сторону воды, о чем-то перешептываясь и постоянно оглядываясь назад.

– Улыбайся, – смотрю на Глупость.

– Очередное условие?

– Раздражает твоя кислая физиономия.

– Ты меня шантажируешь. Притаскиваешь на пляж в самое пекло, против воли, у меня нет настроения улыбаться.

– А придется. – Снимаю футболку. – Уговор.

Ника натягивает на лицо милую улыбку, а потом обнажает зубы.

– Так нормально?

– Не очень, – закатываю глаза. – Будешь тут тухнуть или в море? – киваю в сторону воды.

– Здесь посижу.

– Ладно, тебе же хуже. Дома у Валеры ты мне нравилась больше.

– Придурок, – шипит сквозь зубы.

Делаю шаг в ее сторону и чуть наклоняюсь. Ника запрокидывает голову. Смотрим друг на друга.

– За оскорбления будут штрафные санкции, – подмигиваю. – Так что минус балл, Глупость.

– Сам ты...

– Кто?

– Они тебя уже заждались.

Ника смотрит на девчонок, машущих нам, и кривит губы.

Глава 8

Ника

Насколько легко очаровать девушку? Вероятно, такому, как Ян, это не стоит особых усилий. Рая и Миланка уже смотрят на него влюбленными глазами.

Я заметила, как они переглянулись и подмигнули друг дружке, когда он снял футболку. Хотелось кричать – это обман. Его внешний смазливый облик не больше чем фикция. Внутри этого парня полно демонов, от которых вы явно будете не в восторге.

Я же и сама попалась на эту удочку. Он настоящий хамелеон и просто прекрасно подстраивается под ситуацию. Скажет и сделает именно то, чего ты хочешь. Полностью дезориентирует, войдет в доверие, а потом нанесет удар в спину.

Наблюдаю за тем, как девчонки визжат от попадающих на них брызг, и с диким рвением атакуют Гирша в ответ. Им и правда весело.

Они улыбаются ему во все зубы и периодически подхихикивают, когда он их лапает.

Море сегодня буйное, но купаться разрешено. Волны бьются о камни, а ветер разносит соленый запах по всему побережью. Мое тело изнывает от жары, а голова побаливает от надоедливых визгов. Вся троица уже минут сорок тусует-

ся в воде.

Закатываю глаза и отворачиваюсь. Делаю несколько жадных глотков воды из бутылки и все же снимаю футболку. Несмотря на то, что я сижу в бунгало, куда попадает мало солнца, от жары оно не особо спасает.

Сколько времени мне еще придется здесь куковать?

Когда Ян соизволит идти домой? Очень бы хотелось, чтобы это случилось раньше возвращения бабушки. Я вообще пока не поняла, какие выводы она о нем сделала, увидев лично... Но что-то подсказывает, мое с ним общение она не одобрит.

Кто бы ей сказал, что я и сама уже давно не в восторге...

– Ника! – кричит Рая. – Иди к нам.

Она машет рукой, и я копирую ее жест. Правда, при этом отрицательно мотаю головой.

Ян в этот момент тоже оборачивается, зачесывая пальцами мокрую челку назад.

– Забейте, – он улыбается уголками губ, а во мне концентрируются килотонны ярости.

Девочки после его слов тут же теряют ко мне интерес. С одной стороны, я понимаю, что это мой выбор – здесь сидеть и никто не обязан уговаривать, но с другой – они видят его первый раз в жизни, а меня знают как минимум десять лет...

Снова делаю глоток воды и поворачиваю голову на оклик. Только теперь он принадлежит совсем не девчонкам.

– Ника! – Макар огибает шезлонг и решительно направ-

ляется в мою сторону.

– Привет, – взмахиваю рукой.

– И ты здесь, – он широко улыбается. – Я думал, ты не любишь ходить на пляж.

– Это вынужденная мера, – киваю на Гирша и девчонок.

– А...

Макар задумчиво смотрит на Яна, но быстро теряет к нему интерес.

– Жарко сегодня.

Я улыбаюсь. Он хороший парень, его родители приезжают к нам отдыхать пятый год подряд. Так что мы с ним давние приятели.

На самом деле уже много лет, каждое лето у меня появляются новые друзья из отдыхающих. К нам часто приезжают с детьми, и хотя бы пару раз за сезон они бывают моими ровесниками.

– Угу, – киваю и снова присасываюсь к воде.

– Может, прокатимся на яхте? – Макар смотрит на пришвартованные вдали лодки.

– Можно, – решительно поднимаюсь с мягкого шезлонга и натягиваю футболку.

Не одному Гиршу сегодня плескаться в море.

Улыбаюсь, когда Макар протягивает мне ладонь. Мнусь с ноги на ногу, прежде чем вложить в нее свою руку. Подумаешь, это ведь ничего не значит.

Мы идем по крупной гальке прямо к причалу. На лбу уже

выступили капельки пота, а футболка прилипла к спине. На улице полуденное пекло.

– Значит, ты правда уезжаешь в Москву, Ника?

– Угу.

– Прощай, школа, привет, универ?! Я в следующем году тоже собираюсь поступать в Москву.

– Правда? Здорово. На физмат? Не передумал?

Макар отрицательно вертит головой.

– Так что я рассчитываю увидеться, – он подмигивает, чуть крепче сжимая мои пальцы.

Становится немного неуютно. Кажется, наши разговоры заходят куда-то не туда. Да что там, не только разговоры...

Я на рефлексах оборачиваюсь и понимаю, что Яна в воде нет. Может быть, он потерял меня из вида и предложил девчонкам какое-либо продолжение дня? В чем бы оно ни заключалось...

Мы уже подходим к причалу, когда я слышу голос Раи за своей спиной.

– Вы чего от нас сбежали?! – она наигранно дует губы, но быстро выдает себя смехом.

Я смотрю на нее во все глаза, потому что Гирш маячит позади. Он разговаривает по телефону, но внимание при этом сосредотачивает на мне. И вот этот его взгляд не сулит ничего хорошего.

Мое тело сжимается на автомате. Я отлично помню его взгляд в моей спальне, такой же безумный, за ним последо-

вали прикосновения, которые мне нисколько не понравились. Выпускаю руку Макара и тут же собираюсь домой.

– Мы с вами. – Милана уже снимает босоножки на плоской подошве и спешит к небольшой яхте. – Рай, Ян?

– Идем, – Рая утягивает с собой Макара, а я замираю столбом.

Жду, когда Гирш пройдет вперед, а я просто отсюда сбегу.

– Да, локацию я тебе скинул, так что жду вас в гости. – Он улыбается и снимает сланцы.

Отступаю, чтобы освободить ему дорогу, но он тоже не двигается с места.

– Забились.

Гирш прячет телефон в карман шорт. Он по-прежнему без футболки, она болтается у него на плече.

– Чего встала? Иди давай.

– Куда?

– А куда ты собиралась?

– Домой.

Он открыто надо мной насмехается и закатывает глаза.

– Дом в другой стороне. Иди.

Я оглядываюсь на кораблик и, поджав губы, решаю, что не пойду у Яна на поводу.

– Так вот, я в другую сторону, – выдаю спокойно. – Хорошего дня.

– Ты, кажется, не усекла, – Гирш делает шаг, а потом склоняется над моим лицом, – в тебя играю я. Не он, – кивает

на Макара.

Я отслеживаю его взгляд. Фокусируюсь на Макаре, а внутри начинает скрестись какое-то нехорошее чувство. Словно мне не стоило сегодня общаться с этим светловолосым мальчиком. Насколько у Гирша большое воображение? Какую гадость он еще выкинет ради своей игры?

– Ты больной!

– А ты только заметила?! Пошли.

Его пальцы касаются моего предплечья.

– Помню, что без рук. – Но сам при этом не отпускает. – Придумаешь мне штрафные санкции. В открытую, я всегда играю честно, – Ян подмигивает и практически заталкивает меня на эту дурацкую лодку.

По наивности я думаю, что мы еще минут пятнадцать будем ждать, пока на яхте соберется достаточное количество народа, чтобы отплыть, но этого не происходит. Нас отшвартовывают сразу.

Гирш заплатил за два часа индивидуального катания. Это я узнаю минутой позже из уст Раи. Она уже улеглась на мягкое покрытие в носовой части яхты и развязала веревочки купальника на спине, чтобы позагорать.

Два часа. Теперь мы точно не успеем вернуться домой раньше ба. Устало запрокидываю голову и четко слышу, как Милана воркует с Макаром. Супер просто!

Сжимаю пальцами переносицу и, абстрагировавшись ото всех, устраиваюсь прямо на палубе, свесив ноги за борт.

Солнце облизывает кожу. Я чувствую, как нагревается моя голова, поэтому снимаю футболку и делаю из нее бандану, чтобы не получить солнечный удар.

– Будешь?

Гирш падает рядом, чуть толкая меня в бок, будто тут больше места нет. Он протягивает мне бутылку ледяного шампанского.

– Нет.

Отворачиваюсь, пытаюсь сосредоточиться на водной глади, которую рассекает наша яхта.

– Это мои штрафные санкции, – тут же добавляю. – Ты до меня дотронулся, значит, я имею право тебе отказать.

Ян хмыкает, но больше не пытается всучить мне эту долбаную бутылку.

– Быстро схватываешь.

Ян лениво потягивается, делает еще пару глотков шипучей жидкости и достает свой телефон.

– Похоже, Миланка увела у тебя парня из-под носа, – он смотрит на Макара, который активно болтает с Миланой.

Я только фыркаю. Тоже мне потеря.

Яхта начинает притормаживать. Я слышу голос капитана в мегафон. Он разрешает всем искупаться в открытом море.

Ребята, не теряя времени, прыгают в воду, и, судя по тому, что я вижу стоящие бутылки, пьет здесь не только Гирш.

– Идешь? – Ян смотрит на меня с прищуром.

– Нет, – качнув головой, снова увожу взгляд к морским

просторам.

– Ты уже использовала свое нет. Так что...

Он ядовито улыбается.

– Ты сама? Или тебе помочь?

– Чего? – запрокидываю голову, чтобы его видеть. Он уже поднялся на ноги.

– В воду сама прыгнешь? Или тебя скинуть?

– Сама, – закатываю глаза и, чуть приподняв бедра, стаскиваю с себя шорты. Аккуратно складываю одежду и выпрямляюсь.

Ян оценивающе скользит по мне взглядом и, ничего не сказав, ныряет под воду. Я же осторожно спускаюсь по лесенке.

Вода после длительного пребывания под солнцем кажется совсем ледяной. Кожа покрывается мурашками. Я закрываю глаза, зажимаю пальцами нос и как можно быстрее окунаюсь с головой. Делаю небольшой кружок и высываюсь на поверхность.

Единственное, что меня беспокоит, это опасность умереть сегодня в открытом море. У Гирша хватит ума меня утопить. И что-то мне подсказывает, что ничего ему за это со стороны закона не будет...

Проморгавшись от соленой воды, фокусируюсь взглядом на девчонках и плыву к ним.

Рая, заметив меня, отделяется от Миланы и плывет мне навстречу.

– Ник, а у Яна кто-то есть?

– Без понятия.

– В смысле? Вы же в одном доме живете!

– Я с ним несколько недель назад познакомилась. И то, что мы живем в одном доме, ничего не значит.

– Ладно, – Рая кусает губы, – но, если что узнаешь, дай мне знать, ладно?

– Без проблем.

Она широко улыбается и, выпепив Гирша глазами, быстро плывет к нему. Я наблюдаю за тем, как она вертит головой, снова теряя его из вида, потому что он ушел под воду, и красноречиво выдаю себе под нос:

– Неужели я со стороны выглядела так же, когда хотела с ним подружиться?

– Хуже!

Гирш материализуется из-под воды рядом со мной.

Мы оба держимся на плаву, совершая медленные движения руками, как лягушки.

Он щелкает пальцами по воде, отправляя мне в лицо порцию брызг.

– Ты выглядела более жалко, Глупость. Все такие плохие вокруг, как с этим жить? – Он ухмыляется, и единственное, что я хочу, это утопить его. Здесь и сейчас. – Никто тебя не понимает, все обижают. Трагедия...

– А сам-то? Долго еще будешь обвинять всех вокруг, что твоя мать – наркоманка?

Я понятия не имею, как это слетает с моего языка. Но слишком поздно. Назад ничего не вернуть.

— Что ты сказала? — его голос становится тише, но оттого слышится еще более угрожающе.

— Я... — медленно поворачиваю голову. — Извини, я не это имела в виду, я...

— Именно это, — Ян прищуривается, но буквально через секунду его лицо озаряет улыбка. — Может быть, еще не все потеряно, — выдает задумчиво. — Но ты же понимаешь, что я не могу это оставить просто так, правда?

— Ян, не надо. Я извинилась. Я не хотела...

— Хотела, — он подплывает ближе. — И испытала кайф. На секунду, пока не дошло, но испытала же. М? Признайся.

Его лицо теперь совсем близко. Пара сантиметров между нами. Моя грудь задевает его.

Что я должна сказать? Да? Нет? В голове появляется сложная задачка, вариант ответа на которую просчитать невозможно. Я понятия не имею, как он отреагирует.

— Да, — практически выплевываю ему в лицо. — Испытала.

— Вот видишь, как это прекрасно — причинять боль. А теперь ответочка.

Я не успеваю сообразить, что происходит, когда он утаскивает меня под воду. Чувствую только, что все звуки стихают, а когда я снова могу дышать кислородом, понимаю, что его губы впиваются в мои, а язык нагло проникает в рот.

Он меня целует, всего секунды, а потом отталкивает.

– Ты с ума сошла? – возмущается так громко, что в барабанных перепонках звенит.

Ян вытирает губы тыльной стороной ладони. Поворачиваю голову и только теперь осознаю, что мы вынырнули рядом с ребятами. Они все видели.

– Ты мне как сестра, – продолжает Гирш, а я ловлю полный разочарования взгляд Раи.

Когда мы возвращаемся, девчонки и Макар сходят с борта с таким видом, будто вот-вот отдадут меня на костер святой инквизиции.

– Слухи-слухи. Что может быть прекраснее? – издевается Гирш, стоя за моей спиной.

Слухи. Рая разнесет эту историю везде где только можно. Поворачиваюсь и влепляю Яну пощечину.

– Это штрафные санкции, – выдаю, чуть ли не извергая огонь. – Ты снова меня трогал!

Глава 9

Ника

Моя рука зависает в воздухе после удара. Медленно сжимаю пальцы в кулак и чувствую, как начинаю терять почву под ногами. Если он стукнет меня в ответ – это будет молниеносный нокаут.

Ян растирает щеку. Пару раз моргает. Я отчетливо вижу, как он стискивает зубы от раздражения, продолжая касаться своего лица кончиками пальцев, будто до сих пор не может поверить в то, что произошло. Я и сама, если честно, не очень-то верю.

Никогда не замечала за собой ярких вспышек агрессии, а теперь вот... Ударила человека по лицу. За дело, конечно...

– Ты меня ударила? – он прокатывает на языке каждую букву. Смотрит с прищуром. Я же отшатываюсь от него как от чумного.

Мне дико страшно. Это невыносимое, разлагающееся в душе чувство опасности и неопределенность. Понятия не имею, что теперь от него ждать.

Гирш способен на все, в этом я уж точно не сомневаюсь. Как и в том, что для него явно не проблема стукнуть девушку в ответ.

– Все честно, – сиплю, стараясь смотреть куда угодно, лишь бы не на него.

– Честно?

Ян делает шаг вперед, наконец-то убирая руку от своего лица. На его щеке красуется красное пятно, которое медленно исчезает.

– Да, – киваю и, не теряя больше ни минуты, бегу в сторону дома.

Не хочу выяснять на собственной шкуре, что он еще может придумать.

– Далеко не убежишь! – летит мне в спину. – Ночуем мы в одном доме, – он начинает громко, я бы даже сказала, диковато ржать.

Волосы при беге падают мне на глаза, я убираю их руками и заворачиваю на соседнюю улицу, оттуда ускользаю на еще более узкую тропинку. Здесь он точно меня не найдет, и я смогу спокойно дойти до дома.

Замедляюсь, а сердце все равно прыгает по грудной клетке как ненормальное.

Немного отдышавшись, я выхожу к нашему дому, ворота которого открыты. Артём таскает какие-то коробки, а бабушка не без интереса за всем этим наблюдает.

– Ника? Ты где была?

– Бегала, бабуль.

По моему вспотевшему организму это и так видно, даже отмазку придумывать не приходится. Бабушка верит.

– С ума сошла? Пекло такое.

– Нормально, – улыбаюсь и захожу в дом, чтобы попить

воды. Бабушка идет следом. – Это что за коробки? – интересуюсь, промочив горло.

– Мебель.

– Мебель?

– Ага, постоялец-то наш не захотел на диване спать. Вон кровать себе в полверанды заказал.

– Ян? – мои глаза округляются. Я заглядываю в коридор, откуда хорошо просматривается «комната» Гирша. Дверь открыта, поэтому я прекрасно вижу, как Артём уже начал там что-то собирать.

– Ника, – бабушка касается моей руки, – я тут подумала, бог с ней, с этой прической. Если тебе и правда нравится то, что вы там с матерью выбрали, я Татьяне позвоню и все отменю.

– Правда?

– Конечно. Это же твой праздник, – бабушка тепло мне улыбается, а я, я чувствую, что сейчас просто расплачусь.

На самом деле у нас очень мало вот таких теплых моментов. Бабушка вообще не тактильный человек, да и приятных слов от нее почти не услышишь. Но сегодня этим своим согласием, которое для большинства и так считается нормой, просто растопила мое сердце.

– Спасибо, – бормочу, едва разлепляя губы.

– Ну чего ты? Реветь удумала? Совсем уже?! – ба крутит у виска, и трогательного момента словно не бывало.

Я качаю головой и поднимаюсь к себе.

Утром, пока мастер, которую наняла мама, делает мне причёску и макияж, я узнаю, что Гирш не ночевал дома. Артём ходит чернее тучи, потому что упустил этого гада. Если Вячеслав узнает – Тёме не поздоровится. Поэтому на, так скажем, семейном совете принимается решение отца Яна в известность не ставить.

– Может, кондиционер убавить? – интересуется мама.

– Немного, – соглашаюсь, – а то, пока одеваться буду, еще больше ужарю.

Мама щелкает кнопку на пульте как раз в тот момент, когда девушка заканчивает с моим макияжем.

– Куколка просто, – слышу мамин восторженный голос. – Какая ты у меня красивая, Ника!

– Спасибо, мамуль.

Мама помогает застегнуть мне змейку на платье, и мы вместе спускаемся в гостиную.

Наши жильцы еще ранним утром утопали на море, поэтому в доме только мы, бабушка и Артём.

Когда я надеваю туфли, входная дверь открывается.

Гирш переступает порог и вытягивает ладонь вперед, смотрит при этом на Артёма.

– Без нотаций давай. И так башка трещит.

Ян, шаркая ногами, подходит к дивану и заваливается на него, подкладывая под голову декоративную подушку.

Выглядит он, мягко говоря, не очень. Весь растрепанный.

– Ты где шлялся? – встревает ба.

– Не ваше дело. О, Глупость, да ты сегодня чикуля.

Он облапывает взглядом мое тело, укутанное в платье, и вытягивает большой палец вверх.

– Главное – не залети после пары бокалов шампанского, как твоя мать. Еще одного нагулянного бэбика мой отец не потянет, – Ян смеется, прикрывая глаза, и буквально через секунды засыпает.

Мы все замираем с перекошенными лицами. Бабушка спохватывается и начинает натирать свои туфли. Мама кусает губы и дрожащими руками застегивает мне цепочку на шее. Я же, я просто стою и смотрю, как спит этот помойный хорек.

Ненавижу его. Просто ненавижу!

На автомате тру губы тыльной стороной ладони. Смазывая помаду. Как только вспомню, что он вчера сотворил, сразу тошнить начинает. Придурок!

В ресторан мы едем через полтора часа после вручения аттестатов.

Бабушка и мама к тому времени уже до макушки пресыщаются присутствием друг друга и начинают переговариваться на повышенных тонах. Рая с Миланой смотрят на меня с ухмылками, и, судя по тому, как смеются некоторые парни из класса, Рая с ними уже посплетничала.

Я не знаю, в какой момент все начинает лететь в бездну, но это происходит.

Сначала девчонки подходят с вопросами про Яна, не без

сарказма интересуясь, как такая тихоня, как я, решилась клеиться к сводному брату. А потом и мама с бабушкой устраивают скандал. Прямо при всех.

Они кричат и обвиняют друг друга. Громко озвучивают все, что было в прошлом. И о том, что я безотцовщина теперь, потому что у моей матери не хватило ума не раздвигать ноги, и о том, что бабушка – Гитлер в юбке.

Присутствующие в шоке от происходящего, а мне, мне не остается ничего, как сбежать из этого ада.

Я выбегаю на воздух. Дышу, но, кажется, все равно задыхаюсь.

Бабушка выходит из ресторана минут через пять и тоном, не терпящим возражений, загоняет меня в такси.

– Мы едем домой, Ника! Твоя мать нас позорит.

– Я позорю? Это ты никому жизни не даешь!

Скандал продолжается в машине, на улице возле дома, да и внутри дома тоже.

Они орут на всю округу, а я понимаю, что это конец. Конец всему. Я просто не хочу их видеть. Ни одну, ни вторую. Никогда.

– Это ты! Ты всю жизнь держишь всех на цепи! Я здесь как в тюрьме жила, спала и видела, как бы побыстрее от тебя сбежать! – мамин крик разносится по всему дому. – Ты и Нику уморила. Ты только посмотри, она всего боится, никуда не ходит. Ты ломаешь ей жизнь!

– Ломаю? Это ты сбежала! – давит голосом ба. – Бросила

ребенка и удрала. Черт-те чем в своей Москве занималась. Думаешь, я не знаю?! Какая ты мать после этого? Одно название. Это я ее воспитывала. Так, как считала нужным. Второй шлюхи в доме я не потерплю!

Мама пятится и хватается за горло. Ее глаза поблескивают, хаотично бегая из стороны в сторону.

Я наблюдаю за происходящим молча. Меня больше ничего не трогает и не удивляет. Им обоим абсолютно на меня плевать. Они обе лелеют лишь свое эго.

– Всем спокойной ночи, – выдаю мрачно и поднимаюсь к себе. Как только закрываюсь на защелку изнутри, слышу бабушкин отборный мат и мамины громкие рыдания. Они обе не затыкаются ни на секунду.

Снимаю с себя это дурацкое платье и по неосторожности вырываю собачку.

Меня все еще трясет. Тушь немного потекла, но это неудивительно. Я плакала. Ехала на заднем сиденье в такси, сгорала от стыда перед водителем, перед всеми одноклассниками и их родителями, оставшимися в ресторане, перед учителями. Горела и плакала, закрывая лицо ладонями.

А теперь вот смотрю на себя в зеркало и чувствую дикое отвращение. К этому дому, к родным людям, к себе самой, в конце концов. Я сама им все это позволила. Разрешила широким жестом не считаться со своим мнением.

Жила все эти годы в качестве девочки на побегушках. Как табуретка здесь обитала, без права на мнение.

Растираю по щекам слезы и трясущимися руками открываю кран. Журчащие звуки прохладной воды успокаивают.

Тщательно умываю лицо, чтобы от косметики и следа не осталось. Наспех принимаю душ, разбираю пальцами свою прическу, получая от этого удовольствие. Еще немного, и начну выдирать себе волосы клочок за клочком, потому что моя прическа, платье, я сама – ничего из этого мне не принадлежит. Ничегошеньки.

Вдоволь нарыдавшись в душе, принимаю таблетку обезболивающего, потому что жутко сдавливает виски, и достаю из шкафа сарафан. Свободный, длинный, ярко-красный. Бабушка его терпеть не может и говорит, что в нем я похожа на тетку, а не на молодую девушку. Так вот, я так не считаю.

К тому времени, как привожу себя в порядок, просушив волосы и завязав их на макушке в пучок, звуки в доме стихают. Я слышу мамины шаги. Бабушка поселила ее на чердаке. Мы еще пять лет назад переделали его в комнату и сдаем как «мансарду».

Меня так сильно штормит, а душа требует действий. Ярких, безумных. Я мечусь из стороны в сторону, а когда решение в моей голове формируется окончательно, спускаюсь на первый этаж. Из гостиной доносится храп Артёма. На цыпочках пробираюсь к двери на веранду и тяну ее на себя.

Режим саморазрушения активируется с изощренным удовольствием. Я предвкушаю все, что сейчас может случиться, и чувствую по этому поводу какую-то больную, не поддаю-

шуюся объяснениям радость.

Сегодня я либо совершу что-то по-настоящему сумасшедшее, либо буду добита окончательно. И в первом, и во втором Гирш мне с удовольствием поможет.

Переступаю порог и замираю.

Яна внутри нет.

Осматриваюсь. Здесь и правда теперь огромная кровать, шкаф и большая плазма. От нашей старой мебели и следа не осталось.

Первой мыслью выстреливает – лучше уйти. Запал пропадает. Но отчего-то я присаживаюсь на край кровати. Провожу ладонями по мягкому покрывалу, рассматриваю валяющиеся на тумбочке вещи. Смарт-часы, карточки, браслеты, денежные купюры, кольцо и даже книга. Последняя удивляет.

Пробегаюсь пальцами по корешку, но в руки взять не осмеливаюсь. Никогда бы не подумала, что Ян вообще читает. Еще и Ирвин Шоу...

Зачем я сюда пришла?

Меня слишком подкосил сегодняшний день. Я поняла, что из этой ситуации есть лишь два выхода: добить себя окончательно или попробовать стать другой. Сильной, смелой, плюющей на чужое мнение. И пока единственный пример подобного поведения для меня – Ян.

Я не знаю, в какой момент навалившаяся за день усталость сбивает меня с ног и я проваливаюсь в сон, но мое тело

вздрагивает от шума, а глаза начинают слезиться от зажженного света.

– Ты че тут делаешь?

Гирш смотрит на меня свысока. Он снова весь взлохмаченный, а еще он не один.

Резко поднимаюсь с его кровати, соображая, что мне делать дальше.

– Ян, это кто?

Его подружка дует губы, пробегаясь длинными ногтями по его шее.

– Никто. Она уже уходит.

Ян смотрит на меня в упор, я чувствую, как уменьшаюсь в размерах. Путаюсь в длинном подоле сарафана и, немного пошатнувшись, спешу к двери.

Гирш снова нарушает наш договор, когда хватает меня за руку и вытаскивает за порог. Я и пикнуть не успеваю.

– Какого хрена ты приперлась? – шипит вполголоса. – Я тебе в няньки не нанимался и успокаивать не планирую. Сва-ли отсюда, сейчас вообще не до тебя.

Он отталкивает меня. Не сильно. И даже не грубо. Но вся ситуация кажется настолько дурацкой, что мои щеки вновь краснеют от стыда.

Гирш захлопывает дверь прямо перед моим носом. Я сползаю по стеночке, сижу так около минуты, а потом снова иду к себе. Беру рюкзак, телефон, деньги, зарядку, теплую кофту и шлепанцы. На ноги надеваю кроссовки.

С тоской озираюсь по сторонам и как мышка проскальзываю мимо Артёма.

Стараясь не шуметь, отпираю скрипучие ворота и выхожу со двора. Спускаюсь вниз по улице, снова оглядываюсь. Ежусь.

Прохладный ночной ветер щекочет плечи, и я обнимаю себя руками.

Назад дороги не будет.

Пару секунд смотрю вдоль своей родной улицы и решительно вызываю такси.

Глава 10

Ян

Открываю глаза и тянусь за телефоном. Шесть утра.

Они там вообще охерели орать в такую рань?

За дверью точно происходит какое-то представление.

Честно говоря, эта семейка меня уже утомила. Больные.

За спиной кто-то сопит. Поворачиваю голову и пытаюсь вспомнить имя ночной подружки. Хотя мы вроде не знакомились. Пофиг. Единственное, что я уловил, так это то, что она на семь лет меня старше.

Натягиваю трусы и выхожу из комнаты.

Бегло оцениваю обстановку. Бабка с Ладой снова друг на друга орут, Тёма сидит с каменным лицом. Если они каждый год так встречают гостей, ума не приложу, как их «гостиничный бизнес» до сих пор не разорился.

– Че происходит? – упираюсь ладонью в косяк.

Ладка резко переводит на меня взгляд. Бабка тоже не отстает.

– Ты бы еще голышом вышел, – бубнит старая.

– Ника пропала, – с трясущимися губами пищит Ладка.

– Давно? – зеваю.

– Дома не ночевала.

Глаза закатываются сами собой. Дома не ночевала... Они

серьезно? Я два дня в неделю дома появляюсь. А Глупости всего часов пять нет, после того как я выставил ее из своей комнаты.

Сознание резко ухватывается за эту мысль. Выставил. Стоп, а на хрена она вообще приходила?

Чешу затылок и, шаркая ногами по полу, перемещаюсь поближе к холодильнику. Достая морс. Оцениваю содержимое графина. Смотрю на стаканы и, немного поразмыслив, пью прямо из горла. Осушаю все пол-литра жидкости.

– Ян, – снова Ладка, – может, позвонить Славе? У него наверняка есть знакомые в полиции...

– Мне без разницы, – ставлю пустой графин обратно в холодильник. – Сами потеряли, сами и ищите. Главное – не забудьте позвонить в морг.

Под очередную порцию отборных криков удаляюсь к себе. Моя "подружка" уже проснулась и даже выползла из-под одеяла.

– Ты уходишь? – она подкрадывается ко мне со спины и прижимается голыми сиськами.

– Уходишь ты, – бормочу, вытаскивая из шкафа шорты. – Можешь прямо так, главное – через парадный ход, – подмигиваю. – У меня дела нарисовались. Созвонимся.

Девочка улыбается, чмокает меня в щеку и, подобрав свое платье, прямо голышом направляется в сторону выхода.

– Я позвоню, – мурлычет напоследок.

Ржу, представляя реакции этих орущих куриц, и быстро

натягиваю толстовку. Перемахнув через подоконник, выхожу с заднего двора.

То, что Глупость свалила после нашего с ней разговора, меня ни фига не радует. Будет не очень, если ее где-нибудь прихлопнут или трахнут. Хотя она, скорее всего, просто побродит по окрестностям и к ночи вернется домой.

Растираю виски, чувствуя адскую головную боль и жажду.

Сажусь в машину, которую я все-таки взял в прокате на две недели, и медленно выезжаю на дорогу.

Куда она могла пойти посреди ночи? К подружке? А они у нее есть? Если и есть – куры их уже давно обзвонили.

Думай, Ян!

Не хочется остаться крайним. Она, конечно, с приветиком, но труп Глупости мне точно будет некстати. Она же простая до невозможности. Наивность так и прет изо всех щелей. Ее развести на что угодно, как два пальца, главное правильные слова найти...

Высунув руку в окно, едва касаюсь носком педали газа.

Пропала. Ушла. Сбежала?

Куда она могла утопать среди ночи?

Глупость хочет обломать меня этим летом по полной. Она забыла, что я в нее играю? Какой кукольный театр без главной марионетки?

Верчу башкой по сторонам, замечая мальчишку из соседнего дома. Он скачет по дороге с водяным пистолетом наперевес.

– Эй, малой! – ору, привлекая к себе внимание, и притор-
маживаю рядом.

– Чего?

Чего? Сам бы я знал чего...

Куда она пошла? Пляж? Дичковый пляж. Она не раз го-
ворила. А вдруг?

– Куда у вас местные купаться ездят? Штуку дам, если
дорогу покажешь, – вытаскиваю купюру.

Водяной воин нагло улыбается и вытягивает вверх два
пальца.

– Две! Тогда покажу.

– Прыгай, бизнесмен.

– Твоя машина? – парень устраивается на переднем крес-
ле, начиная активно лапать салон.

– Папина. Дорогу показывай.

– А, так нам по улице до конца, потом налево и еще раз
налево.

– А дальше?

– А дальше все время прямо.

– Далеко?

– Ага. А ты меня обратно привезешь? – только теперь он
решает озаботиться этим вопросом.

– А ты, когда садился, про это не думал?

Судя по тому, как вытягивается его морда, не думал.

– Такси тебе вызову, не ссы.

– А тебе зачем на пляж?

– Ищу одну знакомую. Таковую же глупую, как и ты. У тебя в пестике вода чистая?

– Из-под крана.

– Пойдет.

Отбираю у него «оружие» и выстреливаю порциями воды себе в рот.

– Э-э-э-э.

– На, – добавляю ему еще косарь за молчание и «допиваю» все, что есть внутри этой штуки.

– Мы на месте. – Примерно минут сорок спустя, мальчишка выбегает из машины, как только я съезжаю с дороги на крупную гальку. – Ты ее ищешь? – тычет пальцем в яркое пятно посреди пляжа.

– Походу. Такси, – киваю на подъехавшую вслед за нами тачку. Вызвал еще по дороге, чтобы сразу сплавить этого карапуза.

Сажая его в машину и накидываю водителю сверху за то, чтобы вернул его домой в целости и сохранности.

Осматриваюсь. Делаю несколько затяжек, выпуская клубы пара в небо, и иду на то самое «яркое пятно».

На Малининой красный сарафан. Яркий, почти кислотный. На контрасте, ее кожа кажется более загорелой. Она сидит на камнях, подтянув колени к груди, уткнувшись лицом в ладони.

Подхожу ближе и толкаю ее в плечо.

– Подъем, Глупость. Тебя там потеряли.

– Ян? – она медленно фокусирует на мне взгляд карих глаз. Моргает. – Что ты тут делаешь?

– Ты зачем вчера приходила? Всю ночь мучался без ответа на этот вопрос.

– Не важно, – качает головой. – Я туда не вернусь. Никогда.

– Смело, – откидываюсь на спину, подкладывая руки под голову. Сгибаю ноги в коленях и упираюсь пятками в камни. – И что делать собираешься?

– Не знаю пока. Что-нибудь придумаю.

– М-м-м. Днем будешь подрабатывать официанткой, а ночевать на пляже? – накидываю идеи.

– Даже если и так, тебя это не касается. И еще, можешь отправить бабушке то видео. Прямо сейчас. У нее сенсорный телефон, и она умеет им пользоваться.

– Вау, какие разительные перемены за одну ночь, – мои губы трогает улыбка. – Так неинтересно.

– Я и не хочу, чтобы тебе было интересно. Понятно? – она проваливается в агрессию, и мне это нравится. Грозные нотки ее голоса только сильнее щекочат мой азарт.

– Предельно, – усмехаюсь и принимаю сидячее положение. – Ну, если теперь ты неприступная крепость, то у меня есть предложение.

– Снова поиздеваться?

– Нет. Ты хотела свалить, я тебе помогу.

– В чем подвох?

– Его нет, Глупость. Мы просто будем веселиться, – подмигиваю и снимаю толстовку.

Ника сразу отшатывается.

– Не бойсь, я без рук. Жарко просто. Пошли, – поднимаюсь на ноги.

– Куда?

– Свалим из этого чертового города.

Ника переводит взгляд с меня к морю. Пару секунд сидит обездвижено, а потом снимает сарафан, вытягиваясь во весь рост.

– Я хочу искупаться.

Ее печальный, но полный решимости взгляд действует на меня внушением. И кто из нас теперь Глупость?

– Ладно, – соглашаюсь и стаскиваю с себя шорты.

Она дрожит. Бойтись или тупо замерзла здесь сидеть? Хотя какая мне разница? Абсолютно никакой.

Я слышал, как орали эти курицы вчера вечером. Когда они приехали из ресторана, я сидел во дворе, они меня даже не заметили. Суть их конфликта была на поверхности. Честно говоря, я был уверен, что если кто и подгадит Глупости к выпускному, то это буду я. Ошибочка вышла.

После ночи в баре я проспал почти до самого вечера, ехать куда-либо уже не было никакого желания. Даже мысль об испорченном празднике не перевешивала желания просто сидеть и не шевелиться.

Ника останавливается рядом со мной, практически пле-

чом к плечу.

– Как ты узнал, что я здесь? – смотрит в глаза.

– Методом дедукции.

– Ладно, – кивает, – но за...

– Много вопросов. Мы идем? – делаю шаг в сторону воды.

– Да.

Глупость аккуратно ступает по камням и замирает у кромки воды. Волны едва доползают до ее пальцев, когда это происходит, Ника ежится.

Водичка самое то. Сразу захожу по пояс, а потом ныряю. Терпеть не могу шампанское, потому что от него болит башка, но какого-то черта все равно пью. Вчера не было исключением. Я пошел прогуляться по набережной, забрел в первый попавшийся бар, где встретил ту самую Мальвину, с которой проснулся.

Проплываю пару метров под водой и, вынырнув, смотрю на берег.

Ника продвинулась на несколько шагов. Ей по колено.

– И? – ору на весь пляж.

– Холодно.

– Глупость, забей...

– Я не глупость! И вообще... Передумала!

Она резко разворачивается и семенит на сушу.

– Упрямая утка, – брызгаюсь в нее водой, когда вылезаю на берег.

– Сам ты... Утка.

Мы какое-то время смотрим друг на друга молча. В моей голове абсолютный штиль. Меня вообще с утра на разговоры мало тянет. А еще в башке настойчиво долбит вопрос: какого хрена здесь происходит?

То, почему я не против свалить с ней отсюда, понятно. Это место меня раздражает. Если я увезу Нику, то насолю Ладе и подгажу отцу. Они будут дергаться всю его командировку.

Но какой прикол просто везде ее за собой таскать? Она же унылая субстанция. Иногда проблескивает огонек, но запала хватает ненадолго. Без рычагов давления и шантажа – гиблое дело.

– В чем твой план? – Ника надевает кофту на дрожащее тело, снова усаживаясь на камни, только теперь стелет себе под задницу сарафан.

– Ты хочешь их проучить. А я просто люблю бесить людей. У нас общие цели.

– Допустим. Зачем ты меня поцеловал? – она спрашивает, а сама опускает взгляд.

– Понравилось?

– Это было... Будто ко мне в рот залез червяк. Мерзко, – часто кивает. – Никогда так больше не делай.

Я откровенно ржу. Мое самолюбие не задеть такими тупыми сравнениями.

– Поверь, я чувствовал то же самое, Глупость. И повторять уж точно больше не собирался.

– Прекрати меня так называть.

Вытягиваю ладони перед собой, мол, понял, последний раз.

Ника в это время достает свой телефон. Включает.

– Как много сообщений и пропущенных, – бормочет себе под нос, а потом подносит телефон к уху. – Привет, мам, со мной все хорошо. Я уехала. Это не важно. Вернусь через месяц. Пока.

Я слышу, как Ладка что-то причитает в трубку, но Ника отключается.

– И чего ты расселся, Гирш? Поехали. Или ты передумал? – она приподнимает бровь.

Отряхиваю ладони. Смотрю на нее. Оцениваю заново. Если эта решимость не временный глюк в системе ее программного обеспечения, то я уверен – нам будет весело.

– Не боишься? – разворачиваюсь к ней корпусом.

Ника прищуривается. Разглядывает меня как какую-то зверушку. Терпеть не могу, когда так делают.

– Тебя? – снисходительно улыбается. – Больше нет.

Ее смех подхватывает ветер и разносит по всему пляжу.

Моргаю и резко отвожу взгляд.

– Пошли.

Поднимаюсь первым. Вытаскиваю брелок от машины и, не дожидаясь Малининой, иду к месту, где припарковался.

Ника плетется следом с рюкзаком на плече. Все еще в кофте, брошенной поверх купальника.

– Ты, может, оденешься? – Падаю за руль и врубаю себе

климат.

– Тебя это смущает?

– Нет. Смотри, чтобы позже это не смутило тебя. – Завожу мотор с кнопки.

– Слушай. – Ника накидывает ремень, а потом вытаскивает из телефона симку, выбрасывая ее в окно. – А ты не боишься подхватить какую-нибудь заразу?

– В смысле?

– Твои беспорядочные половые связи меня пугают, – она комично прикладывает ладонь к груди, на которой какого-то хера концентрируется все мое внимание. Не на ладони, конечно...

– Я предохраняюсь.

– Защита может подвести... Я бы на месте девушек интересовалась, есть ли у тебя справка от венеролога, – выдает ангельским голосом, с такой искренней улыбкой на лице, что меня начинает подташнивать.

– Ты точно домой вернуться не хочешь?

– Нет, – она продолжает улыбаться.

Положусь на ее сиюминутную решимость. Тогда нужно заехать в банкомат и снять денег. Отец еще пару часов будет не в курсе, что я с Малининой, а когда узнает, сто процентов, заблокирует карты. Такое уже бывало.

– У тебя деньги-то есть?

– Немного, – пожимает плечами.

– И как ты собиралась жить этот месяц?

– Работать официанткой и ночевать на пляже.

– Ага, если бы я тебя не нашел, вечером ты бы уже при-
топала обратно домой.

Ника поджимает губы и отворачивается. Дуется на прав-
ду.

– Только имей в виду, обратно дороги не будет. Если тебя
вдруг замучает совесть через три дня, я тебя сюда не повезу.
Поняла?

– Поняла, – бурчит, прилипая щекой к креслу.

Я вижу только ее затылок.

– Ну и отлично.

Через час мы добираемся до соседнего города и находим
банкомат. Я wygrебаю с одной из карт все, что там есть. На
месяц точно хватит.

Покупаю в супермаркете три бутылки минералки и два
хот-дога в фудкорте. Ника все это время сидит в машине.

Тачку я брал за налик, поэтому операции отец не отсле-
дит, а значит, по машине не найдет точно. Плюс я парковал
ее за несколько домов от бабки Ники, поэтому Тёма ее тоже
не видел.

Когда выхожу на парковку, первым делом замечаю Мали-
нину. Она стоит у тачки и болтает с какими-то парнями. Вся
такая улыбчивая, что бесит.

Два местных мачо заговаривают ей зубы.

– Да-да, мы с братом проездом тут, – Глупость аж светит-
ся.

– Жаль. Но, если передумаешь, вечером вот по этому адресу, – тот, что повыше, протягивает ей свой телефон. – Запомнишь?

– Минутку.

Ника достает свой смартфон и делает фотку чужого экрана.

– Так точно не забуду.

– Это кто? – Бросаю воду на заднее сиденье, останавливаясь у Малининой за спиной.

Меня настораживает ее зашкаливающая общительность.

– А вот и мой брат, – Ника поворачивается ко мне с широченной улыбкой. – А это Кирилл и Лёша. У них сегодня «Summer пати».

Она пила что ли? Бросаю взгляд в салон. Бардочк открыт.

– А ты здесь при чем? – Ловлю себя на мысли, что ворчу, как старый дед.

– Меня пригласили, а, ну и тебя тоже.

– Мы подумаем. – Открываю дверь и толкаю Глупость в салон. – Поехали отсюда, – понижаю голос. – Здесь нас точно будут искать.

Ника вздрагивает и, замотав головой, забирается в машину, тут же забывая про своих новых знакомых.

Глава 11

Ника

Мысль о том, что нас найдут, действует отрезвляюще. Я забираюсь в машину и теряю интерес к парням, которые сами ко мне подошли, когда я вышла из машины на улицу в ожидании Яна.

Гирш садится за руль, но ехать не спешит. Его локоть проходит в паре сантиметров от моих коленей. Ян шарит рукой в открытом бардачке.

Я зажимаюсь.

– Так и думал, – он закатывает глаза и хлопает бардачком.

– Тебе жалко или завидно? – хихикаю, ощущая прилив энергии.

Я выпила исключительно для храбрости. Искала в бардачке провод для телефона, чтобы подзарядить, а нашла малюсенькую бутылочку ликера, такие еще в отелях часто бывают.

Ведь это просто нереально. Все происходящее пугает меня до чертиков.

Никогда бы не подумала, что вообще осмелилась бы провернуть что-то подобное, да еще и в компании Яна. Но он прав, одной мне не выжить. Я не приспособлена к жизни и никогда нигде не бывала одна.

Гирш, конечно, не самая хорошая кандидатура, но с ним не так страшно – во-первых. А во-вторых – может быть, ма-

ма с бабушкой поймут, что между ними и Яном, Яном! Который всех бесит и вообще напоминает лишь подобие человека, я выбрала его. Может, тогда они задумаются, насколько все ужасно?

Не знаю. Скорее всего, я веду себя как малолетняя инфантильная дура, но ничего другого я просто не смогла придумать.

Гирш прав. Я просидела на пляже всю ночь и уже хотела возвращаться домой. Денег у меня почти не было, идти тоже было некуда. Запал пропадал с каждой прожитой секундочкой, а на плечи начинало давить чувство вины.

Ведь это неправильно – уходить из дома. Волновать родителей. Все это ужасно. Я никогда себя так не вела. Боялась расстроить бабушку. Боялась, что если мама узнает, как отворачиваюсь я себя веду, то окончательно обо мне забудет.

Боялась быть нелюбимой...

Я выросла в атмосфере, где любовь нужно заслужить. Если ты все делаешь правильно, не дерзишь, не приносишь проблем, тогда тебя есть за что любить. И меня правда было за что любить. Я старалась изо всех сил. Учеба, олимпиады, медаль, хорошее поведение – все это ради того, чтобы мама и бабушка мною гордились. Чтобы любили...

Уйти несложно, сложно начать все сначала. Что меня ждало? Жизнь на пляже и подработка официанткой?

Гирш, конечно, остался собой. Ему по-прежнему нельзя доверять. Он точно не тот человек, на которого можно по-

ложиться, но этот его утренний визит на пляж меня подкупил. Бабушка, которая знает меня всю жизнь, даже не додумалась, где я могу быть, а Гирш, с которым мы терпеть друг друга не можем, догадался почти с первой попытки...

Мне кажется, что на самом деле я ушла, чтобы меня нашли. Чтобы поняли, что я тоже что-то значу, что я человек и у меня есть чувства. Чтобы извинились.

Но я поняла, что ничего подобного не будет, когда решилась ответить на утренний бабушкин звонок. Она меня обматерила. И, как всегда в приказном тоне, велела быстро возвращаться домой, после этого я выключила телефон.

Было неприятно и больно. Меня никто не понимает, никогда не понимал. Мама выбрала себя с самого начала. Ей было не до меня. Я всю жизнь тешусь надеждами, что она меня любит, просто... Просто что? Какие вообще есть оправдания для женщины, что бросила собственного ребенка? Да, с родной бабушкой, но все же...

А бабушка, она всю жизнь пытается сделать из меня солдата. Который должен подчиняться ее приказам. Пытается? Да она именно это из меня и слепила. Жалкое бесправное существо – вот кто я.

Слезы душат. Я практически ничего перед собой не вижу.
– Ты ноешь, что ли? Обратно не верну, но могу тормознуть на любой остановке.

– Это не из-за того...

– Чего?

– Ничего, – шмыгаю носом, глаза печет от слез. Я плачу прямо при Гирше, и мне плевать, что он подумает. Я разбита морально. – Они никогда меня не любили, никогда...

– Я не психиатр. С жалобами – это не ко мне.

Он выдает это таким мерзким тоном, вальяжно ведя машину одной рукой.

– Господи, да будь ты нормальным человеком! – в порыве отчаяния и злости начинаю колотить его по плечу.

– Ты совсем охренела! Глупость, блядь, мы с дороги так слетим.

– Ну и пусть. Пусть.

– Я не собираюсь становиться молодым и красивым трупом! – выдает деловито, и я начинаю хохотать.

То есть он и сам себя красавчиком считает. Индюк!

– Истеричка, – отталкивает мои руки и притормаживает на обочине. – Больная.

– Это ты ненормальный. Самый сумасшедший человек, какого я только видела! У тебя нет сердца. Нет чувств. Ты эмоциональный импотент, который трахает все, что движе...

Ян резко дергает меня на себя, а потом выливает на мою голову бутылку воды. Я широко распахиваю глаза и отчаянно хватаю губами воздух. Чувствую себя уязвленной на максимум.

– Если ты с чего-то решила, что я буду с тобой нянчиться, – его пальцы сминают верх моего сарафана в районе груди, – то ты полная... Глупость. Мы здесь на равных. Я не

психотерапевт и не твоя нянька. Нам по пути, пока мне с тобой интересно. Так вот сейчас ты меня бесишь.

– А ты бесишь всех вокруг, – выпаливаю ему в лицо, осознавая, что придвинулась слишком близко. От понимания этого вздрагиваю.

Гирш ловит мое запястье. Сжимает.

– Да? Только вот у меня есть друзья, – бросает зло, – настоящие. А у тебя? Вся такая правильная и положительная, но совершенно одинокая и никому не нужная. Или я не прав?

– Придурок, – шиплю на него, как дворовая кошка. – Ты ничего обо мне не знаешь.

– Я знаю о тебе больше, чем ты сама. Завязывай рыдать и жалеть себя, поняла?

Гирш шумно выдыхает. Смотрит куда-то в сторону, а когда снова поворачивается ко мне, говорит уже тише:

– Ты так и будешь перед всеми пресмыкаться, если не научишься себя уважать. Куда ты, блядь, со мной поперлась? Я тебя по пьяни чуть не трахнул, потому что перемкнуло, – он закатывает глаза. – Спойл, чтобы снять веселое видео, и вообще чувствую к тебе дикую неприязнь. Ты реально этого не понимаешь, Глупость?

– Я...

– Ты просто дура. Вали обратно к бабке. Высажу на ближайшей остановке.

Больше Ян ничего не говорит. Отпускает мою руку и за-

водит машину.

Мы едем в тишине. Я кусаю губы и понимаю, что теперь точно не хочу возвращаться домой. Если он меня прогонит, я понятия не имею, что буду делать.

За окном пролетает остановка, потом еще одна и еще.

Гирш не тормозит. Едет сцепив зубы. Молча, смотрит только вперед.

– Ладно, – выдает мрачно несколько часов спустя, – может, я в чем-то не прав.

Я резко поворачиваюсь. Впиваюсь глазами в его лицо. Это он только что сказал?

– Чего пялишься как на привидение?

– Ничего, – качнув головой, снова отворачиваюсь к окну.

Мы в пути уже больше половины дня, еще пара часов – и начнет темнеть.

– Почему ты меня так ненавидишь? Что плохого я тебе сделала? – мой голос звучит с надрывом. Я ведь и правда не понимаю, почему он так ко мне относится.

Почему все они так ко мне относятся? Неужели действительно из-за того, что я не могу за себя постоять?

Меня учили, что быть хорошей правильно. Быть доброй – правильно. А в реальности эти качества на фиг никому не нужны, и люди принимают их за слабость.

Если ты добрый, доверчивый... То непременно слабый. Никчемный и даже жалкий.

– За твое притворство. – Ян выкручивает руль, и мы съез-

жаем с дороги к заправке. – Я такой, какой есть, ни хуже, ни лучше. А ты строишь из себя...

– По-твоему, нужно быть законченной дрянью? Такие понятия, как совесть, честность, сочувствие, для тебя совсем ничего не значат?

– Сочувствие заканчивается там, где начинается личная выгода. С совестью и честностью та же история. Ты от меня не в восторге, – хмыкает, – но продолжаешь сидеть в этой тачке. Где же твоя честность? Хотя бы по отношению к самой себе? Правильно, сейчас тебе выгодно быть рядом. Быть здесь, потому что вернуться к своей бабке тебе тупо страшно. Ты не знаешь, что делать, и идешь у меня на поводу из личной выгоды. Так проще, когда кто-то что-то за тебя решает. Поэтому не надо строить из себя святую.

– Я не святая и никогда ничего из себя не строила.

– Согласен. Святые не бухают вискарь и не зажимаются с малознакомыми...

– Я поняла! – взмахиваю руками. – Поняла. Куда мы едем?

– Просто едем. Какая разница куда? Остановимся там, где понравится. Сейчас только заправимся.

У меня, как назло, урчит в желудке, и Ян добавляет:

– Ну и что-нибудь пожрем сами.

Пока Гирш заправляет машину, я брожу вдоль коротких рядков супермаркета на заправке. Беру холодный чай в бутылке, снеки и сэндвич. Расплачиваюсь сама.

Яна жду на улице, впиваясь зубами в теплую ветчину

внутри треугольных кусочков тоста. Оказывается, я такая голодная, что готова слона проглотить.

В машине между нами снова повисает молчание. Я обдумываю его слова. В чем-то он прав, конечно. Мне нужно что-то делать, как-то меняться, но в голове такая каша... Слишком много событий для одного дня.

Я сбежала из дома, уехала черт знает куда с человеком, который меня ненавидит. Поступила, вероятно, очень глупо. Это же Ян, он может выкинуть все что угодно. Но моя злость на родных настолько сильная, что я готова существовать бок о бок с этим исчадием ада, лишь бы не возвращаться.

Может быть, к концу этого путешествия я действительно пойму, чего по-настоящему хочу от жизни. Какой хочу видеть себя!

Чтобы что-то изменить, нужно выйти из зоны комфорта, только проблема в том, что большинство в эту зону комфорта даже и не входили...

– Подай воды, – просит Ян.

Я тянусь рукой к заднему сиденью, ухватываясь за горлышко бутылки пальцами.

– Держи, – протягиваю ему.

Он кивает. Это, видимо, вместо спасибо.

– Ты водить умеешь?

– Нет. А что?

– Глаза слипаются. Тогда тормозим и ночуем тут.

Ян съезжает в какое-то поле и глушит мотор. Фары гаснут.

Мне становится жутко. Мы одни черт-те где. Если он что-то задумает, меня никто не спасет. Я добровольно на это подписалась.

Даже пошевелиться страшно. Я сижу, прилипнув к спинке кресла, и смотрю перед собой.

Салон освещает лишь свет сенсорного экрана.

– Ты чего притихла? – Гирш ухмыляется. – На фиг ты мне не сдалась. Успокойся уже.

Дверь хлопает, и я медленно поворачиваю голову. Ян вышел на улицу. По тлеющему красному огоньку я понимаю, что он курит. Притягиваю колени к груди, скинув кроссовки, и наблюдаю за тем, как его тень перемещается вдоль машины. Туда-сюда.

Мой телефон включен, но сим-карту я выбросила. Интересно, что сейчас делают мама и бабушка? Не думать! Это не мои проблемы.

Вытягиваю шею и вздрагиваю. Гирш открывает дверь сзади и откидывает спинки кресел так, что пространство позади превращается в широкое спальное место, захватывая область багажника.

– Я спать. На кнопку щелкни, выруби зажигание.

Так и делаю.

Гирш укладывается сзади. Я слышу его дыхание, потому что в машине становится максимально тихо.

Просидев около получаса в одной позе и осознав, что он и правда уснул, выбираюсь из машины, чтобы сходить в туа-

лет.

Брожу по полю в поисках хоть каких-то кустов, но, так и не отыскав ничего подходящего, писаю посреди поля. Главное – подальше от машины.

Когда возвращаюсь обратно, толком и понять ничего не успеваю. Темный рычащий силуэт появляется словно из ниоткуда. Я бегу, визжа на все поле, потому что за мной несется огромная псина. Она лает и вот-вот вцепится мне в ногу.

– Я-а-а-ан! – падаю, зацепившись за что-то, и ору как ненормальная. – Ян!

Огромная черная собака пока только рычит, иногда срываясь на лай. Стоит прямо надо мной, а ее слюни каплют на мое плечо.

Ян, конечно, мне не поможет. Я полная дура, что рассчитываю на спасение.

Паника захлестывает с двойной силой. До машины буквально два метра.

– Чего ты оре...

Он открывает дверь. Пес тут же срывается с места.

– Сука!

Гирш матерится. Собака с диким рыком бросается на него, а откуда-то сбоку слышится мужской голос.

– Фу, Фрэнки. Фу!

– Он меня укусил, – это уже Гирш орет. – Блядь, какого хрена, Ника!

Глава 12

Ян

– Фу, Фрэнки. Нельзя.

Какой-то деревенский олух наконец отгоняет от меня свою шавку. Ногу простреливает едкой болью.

Как-то в детстве меня уже кусала собака, после мать таскала на уколы от бешенства, как по расписанию. Прекрасно просто!

Стискиваю зубы, трогаю место укуса, отчетливо чувствуя запах крови.

– На хрена ты туда поперлась? – ору на Малинину.

– Я, мне надо было.

Она сидит рядом со мной и зачем-то трогает мое плечо.

– Могла у машины поссать. Бесишь.

– Ребята, вы на частной территории, – раздается голос хозяина шавки. – Я частенько отпускаю Фрэнка побегать ночью. Хорошо, что сегодня вышел за ним следом, иначе одним укусом ты бы не отделался.

– Вот спасибо, – бросаю зло.

– Нужно обработать рану.

– Ян, он прав, – причитает Ника.

– Отвалите от меня.

Терпеть не могу всю эту жалость и повышенное внимание там, где оно на фиг не уперлось. Не отвалится у меня нога.

Поднимаюсь, резко вбирая в себя побольше воздуха. Место укуса печет.

– Давай, парень, за руль сесть сможешь?

– Смогу, – закатываю глаза и, обогнув машину, прихрамывая на левую ногу, сажусь за руль.

Ника забирается следом. Мужик со своим псом садится назад с таким видом, будто я их приглашал. Рядом с хозяином этот черный монстр помалкивает. Короче, ведет себя прилично, будто минуту назад не собирался отъесть у меня полноги.

– Езжай прямо по дороге, я скажу, когда свернуть.

Минут через десять мы оказываемся у дома за высоким забором. Он такой тут не один. Деревня уходит вглубь от трассы, поэтому с дороги ее не увидишь. Только поля.

Малинина сидит молча. В дом тоже заходит без слов.

– Это какая-то месть, да? – спрашиваю у нее вполголоса.

Глупость округляет глаза и качает головой в отрицании.

– Я не специально...

– Видимо, удача на твоей стороне сегодня, – бросаю зло и сажусь на диван.

Мы вошли в дом через кухню. Хозяин оставил пса во дворе, а следом принес аптечку.

– У тебя выпить есть? – спрашиваю, промачивая вату спиртом из стеклянной колбы. – Нормальное что-нибудь.

– Водку будешь?

– Давай. Я Ян, кстати.

– Егор, – мужик пожимает мне руку. – Вы чего в полях забыли? Как ты умудрился ее одну ночью прокараулить? У нас места не особо людные, но опасностей и без этого хватает.

– Перевяжи, – шиплю на Нику, и она хватается за бинты.

– Твой монстр привит? – кошусь на Егора.

– Привит. Привит. Держи, – протягивает мне стопку и следом наливает себе.

Пью залпом. Морщусь от горечи и возвращаю стопку на стол. Ника к тому времени уже завязывает бантик.

– Ты еще блестками укрась.

– Хватит на меня орать, – подает голос и давит пальцами прямо в место укуса.

– Ай. Дура, что ли?

– Сам дурак! Спасибо, что отогнали собаку и помогли, – обращается уже к Егору.

Чернявый мужик кивает. На вид ему лет сорок, может чуть больше.

– Вы туристы?

– Ну почти.

– Можете на ночь остаться.

– Спасибо, – Малинина ему улыбается и помогает убрать аптечку.

– Только комната у нас свободная одна.

– Он поспит на диване, вот тут, – снова Ника.

– Сама поспишь на диване. Комната где?

Егор какого-то хрена лыбится и показывает рукой на

дверь.

– Ага. Спасибо, – киваю и поднимаюсь с места.

Глупость идет следом, правда, сначала рассыпается в благодарностях перед хозяином дома.

Распахиваю дверь, быстро осматриваясь в полутьме. Здесь одна кровать, две тумбочки и куча книг на полках. Супер, спать в пыли от этой макулатуры.

Заваливаюсь поперек кровати, наблюдая за Малининой. Она подходит к окну, смотрит куда-то вдаль и громко вздыхает.

– Ты заметила, что даже по нужде без проблем сходить не можешь?

– Отстать от меня.

Она стягивает кофту и ложится на самый край. Моя башка теперь почти упирается в ее спину. Отодвигаюсь, растягиваясь в длину кровати, и завожу руки за голову.

Глупость долго вертится, а потом забирается под покрывало.

– Я из-за тебя, между прочим, теперь почти инвалид.

– Мало тебе.

Она так резко поворачивается, что мне на мгновение кажется, что сейчас опять зарядит по морде. На инстинктах даже чуть отшатываюсь в сторону.

– Ты, скорее, станешь инвалидом за свой длинный язык.

– Ты не первая, кто мне это говорит.

– И не последняя, уж поверь.

– А говорила, что у меня с эмпатией проблемы. Я почти при смерти, а ты на меня еще и орешь, – говорю с наигранным возмущением.

Малинина молчит. Лежит на спине. Либо в потолок пялится, либо уснула там, что ли?

Ну и хрен с ней. Закрываю глаза, чувствуя, как боль медленно отпускает.

Просыпаюсь от духоты. В комнате уже светло.

Приоткрываю один глаз, чувствуя, как затекла рука. Приподнимаю голову. Малинина подкатилась максимально близко. Ее голова лежит на моем предплечье, а моя нога закинута ей на бедро. Шикарно просто.

К утреннему стояку примешивается еще и то, что Никина задница упирается в мой член.

Если она сейчас проснется, то начнет верещать так, будто ее тут режут.

Медленно вытягиваю из-под нее руку и убираю свою ногу. Перекатываюсь на спину и еще минут пять пялюсь в озаренный солнечными лучами потолок.

Беру с тумбочки телефон. Семь утра. Я в этой глуши позже девяти еще ни разу не просыпался.

Свой старый телефон вместе с сим-картой я оставил в том же торговом центре, где купил этот, после того как снял деньги. Не очень хочется, чтобы папа вычислил меня так быстро.

Глухость начинает шевелиться, и я на автомате задержи-

ваю дыхание и прикрываю глаза.

Она осторожно сползает с кровати и топает к двери. Выходит из комнаты, бросив на меня взгляд, это я вижу через едва приоткрытые веки.

Когда сам выползаю на улицу, потому что в доме к тому времени никого не оказывается, Ника с улыбкой на лице помогает какой-то тетке нарезать овощи на летней кухне. Судя по всему, это жена этого Егора.

– Доброе утро, – женщина взмахивает рукой, и на моем лице вырисовывается кривая улыбка.

Ага, доброе, как же. У меня из башки до сих пор не выходит мысль: это был только утренний стояк, и Глупость тут не при чем?

Тру виски и, чуть прихрамывая, сажусь на лавку подальше от них. Вытаскиваю сигареты. Электронка села, теперь приходится курить обычные.

– У вас очень красивый дом, – болтает Глупость. – Спасибо, что позволили переночевать.

– Вы у нас не первые такие, покусанные Фрэнки. Ну вот что за пес? Я сколько Егору говорю: «Ну не пускай ты его, не пускай». Столько туристов летом, кто-нибудь обязательно переночевать поблизости остановится.

– Да все нормально. У Яна почти ни царапинки, – нагло продолжает эта утка. – Я только перепугалась.

– Да представляю, среди ночи-то. Может, кофе сварим? Ты пьешь?

– Пью. Спасибо.

– Тогда пойду сделаю.

Тетка уходит в дом, а Малинина чешет в мою сторону.

– Чего тебе? – смотрю на нее исподлобья.

– Ты меня лапал ночью, – выдает сердито.

– Серьезно? У меня из-за тебя чуть рука не отвалилась.

Сама всю ночь ко мне подкатывалась.

– Я не...

– Еще как да!

Малинина пялится на меня во все глаза. Видимо, пытается вычислить, говорю ли я правду.

– Как твоя нога? – меняет тему. – В порядке? – она прищуривается. Выглядит это не по-доброму.

– Что ты задумала? – сгибаю колено, убираю ногу под лавку в целях безопасности. Не удивлюсь, если она долбанет по ней со всей силы.

– Да так... Ничего. Завтракать будешь?

– Обойдусь. Судя по твоему лицу, ты мне точно яда подсыплешь.

Она только цокает языком и разворачивается в направлении дома.

– Через полчаса выдвигаемся, – бросаю ей в спину.

– Ты мог бы хотя бы поинтересоваться, как я после произошедшего.

– Я уже сказал, что не нянька тебе. Поняла?

– Более чем.

Малинина топаёт как слон, направляясь в дом. Я остаюсь один. Откидываюсь затылком к забору и смотрю в небо. Жарит с самого утра. В доме Егора мы тусуемся ещё около часа и потом уезжаем.

Ника расплывается в улыбке перед людьми, что приютили нас на ночь и чья собака меня покусала. Дебильный инцидент, что никак не выходит из головы. Я все ещё слегка прихрамываю, и это невероятно бесит.

Пока жена Егора вручает Малининой какой-то пакет, сажусь в машину. Двигатель урчит как не в себя. Видимо, не только на меня пагубно действует сегодняшняя жара.

Осматриваю территорию вне двора. Поселок. Дорога заасфальтирована, дома все частные. На улице то и дело кто-то шныряет. Дети, взрослые. Все идут по своим делам.

Цепляю глазами Нику, она наконец-то топаёт к тачке. Заметив, что смотрю, подбирается, но это не помогает ей скрыть легкую хромоту. Даже не так, она просто немного странно ступает на левую ступню.

– Что с ногой? – спрашиваю, как только она забирается в салон.

– Ничего.

– Я тебя по-нормальному спросил, – дергаю её за запястье, чуть резковато вдавливая Нику в сиденье.

– По-нормальному? – смотрит на мои пальцы, что сжимают её руку. – Мы, кажется, договаривались без рук, – прищуривается.

Отпускаю.

– Так нормально? – демонстративно закатываю глаза.

Вот и беспокойся о ней после этого, ага!

– Не очень.

– Так что с ногой? – Отпускаю педаль тормоза, и машина начинает двигаться накатом.

– За что-то зацепилась, когда убегала от собаки.

– Подвернула?

– Нет. Просто потянула мышцу, наверное.

– Ясно, – откидываюсь в свое кресло.

– Джентльмен из тебя так себе.

– Не беси.

Чуть давлю на газ. Машина оставляет за собой шлейф из поднятой с дороги пыли. Мы быстро движемся в сторону трассы. По идее, часам к пяти уже должны приехать на место, это если нигде не задерживаться.

Если... Но я торможу в ближайшей точке, где есть аптека.

Самому неплохо бы закинуться чем-нибудь обезболивающим, ну и Малининой эластичный бинт с ее побитой конечностью тоже не повредит.

И вовсе это не забота. Просто не хочется на нее отвлекаться в дальнейшем. Как только мы прибудем на место, меня ждет яркая ночь в компании друзей. Наконец-то начнется отдых.

Расплачиваюсь наличкой. По-другому сейчас не стоит. Проверять, заблокированы ли карты, я не имею никакого жела-

ния, отец сразу вычислит, где мы.

Даже Азарин уже отписался, что ему мой батя набирал, интересовался, не в курсе ли он, где я...

Когда возвращаюсь в машину, выгребая из пакета эластичный бинт и лед в пакетах.

Глупость молча смотрит на то, что я купил.

– Это тебе, – бросаю ей бинт.

– Зачем?

– Что за тупой вопрос? – Выдавливаю себе пару таблеток от боли и запиваю все это обильным количеством воды. – У тебя нога болит или у меня? – Звучит неубедительно, особенно если учесть... Пофиг.

– Спасибо.

Ника улыбается. Она не скрывает того, что мой жест пришелся ей по вкусу, а меня от этого разрывает еще сильнее. Это тупо подачка, это не забота. Она должна была воспринять это не как что-то хорошее!

Пока она прикладывает к ноге лед, я рассматриваю свои пальцы, лежащие на руле, натянув на глаза очки.

Ника ставит пятку на край сиденья, чтобы замотать ногу, а ее сарафан в этот момент задирается до бедра.

Не сразу ловлю себя на том, что повернул голову. Мой взгляд скрывают очки, но даже при их наличии нетрудно догадаться, что я пялюсь на Никины ноги.

Малинина вскидывает взгляд. Ее губы приоткрываются.

Мы оба какого-то хера замираем.

– Я не трогаю, – хмыкаю, а у самого губы пересохли. – Или смотреть теперь тоже нельзя?

– Ты невыносим.

Ника одергивает сарафан и, качнув головой, быстро разбирается с бинтом. Опуская ступню на шлепку.

Мой пульс какого-то фига ускорился, и мне это не нравится.

Завожу машину. Примерно половину пути мы оба молчим. Я, потому что пытаюсь просчитать, какая такая зараза меня покусала, что я начал реагировать на Нику. Скорее всего, это солнечный удар, ну или та собака и правда была бешеной.

О чем думает Глупость, понятия не имею.

– Давай остановимся.

– Зачем? – чувствую раздражение.

У меня, вообще-то, план попасть к друзьям на тусовку этим вечером.

– Искупаемся.

Ника очаровательно улыбается. То есть просто лыбится как дурочка.

Мы уже долго едем вдоль береговой линии. Море тянется по правому боку, и Малинина все это время смотрит в окно, будто впервые в жизни все это видит.

– Зачем?

– Жарко.

– Ты серьезно? У нас климат всю дорогу работает.

– Тебе жалко, что ли? – она пытливо пялится мне в профиль. Минуту, две, три. Глаза все еще не отводит.

Я несколько раз поворачиваюсь, чтобы окунуть ее в свое раздражение, но на нее не действует. Откуда у этой девчонки взялось столько наглости?

– Ладно, – сдаюсь и вырубаю круиз.

Глупость хлопает в ладоши, пока я сбавляю скорость. Стрелка опускается до восьмидесяти, а под правым задним колесом что-то бахает.

Малинина взвизгивает, и я резко бью по тормозам.

– Что это было?

– Понятия не имею. – Отстегиваю ремень, после того как съезжаю к обочине.

Из машины мы выходим синхронно. Обхожу тачку, почти нос к носу сталкиваясь с Никой. Она замирает рядом со мной.

– Что-то с колесом?

– Пробили, похоже. – Сую руки в карманы, пиная шину.

– И что делать?

– Ставить запаску...

– Это долго?

– Понятия не имею.

– Ты никогда этого не делал? – Ее глаза распахиваются и становятся размером с шар для пинг-понга.

– Не было нужды как-то.

– А ты точно справишься?

– От-ва-ли, – бормочу себе под нос и открываю багажник.

Малинина тем временем куда-то сваливает. Я не сразу соображаю, что она делает, а когда доходит, хочу ее обматерить. Она тормозит проезжающие машины. Не верит, что я справлюсь с гребаным колесом, значит.

Машин здесь не так много. Останавливается в итоге битая десятка, из которой вываливаются четыре типчика не самой приятной наружности.

– Проблемы? – тот, что идет впереди всех, подает голос. Смотрит на меня в упор.

– Тебе показалось.

– А малая сказала, что вы колесо пробили. Здесь такое бывает, – он лыбится.

– Помощь нам не нужна.

Они ржут в четыре голоса. Самый мелкий шарит по Глуposti сальными глазками. Вот же дура! Какого хрена она их только тормознула?

Я не особо дерусь. Стоило взять у Кайсарова пару уроков карате, прежде чем куда-то ехать с Малининой. Она просто магнит для неприятностей. А судя по тому, как настроена эта гопота, неприятности у нас будут...

– Хорошая тачка, – тот, что главный, скользит ладонью по крыше «Лексуса». – Твоя?

– Папина, – прищуриваюсь, оценивая обстановку.

Машина открыта, в бардачке триста штук, плюс у меня по карманам еще тысяч сто пятьдесят рассовано. Мы фиг пой-

ми где. Мимо максимум машина в полчаса проходит. Этим упырям ничего не стоит сейчас меня вырубить, забрать бабло...

Глупость еще в своем сарафане. Мелкий до сих пор на нее пялится. Твою же мать!

Глава 13

Ника

Кажется, Ян прав. Я и правда Глупость. Раздолбанную машину, я заметила издалека. И тормозить их не собиралась, даже отошла в сторону, только вот они, видимо, успели меня приметить. Девушка, одна на дороге, легкая добыча.

Автомобиль остановился резко, поднимая в воздух клубы пыли. Я к тому моменту уже направлялась в сторону Яна неоглядываясь, надеясь, что они поедут дальше, ошиблась...

Дура...

Обхватываю себя руками, потому что взгляд невысокого парня с татушкой на лице мне совершенно не нравится. Гирш ведет себя как всегда. Ему словно абсолютно наплевать на происходящее, он огрызается и продолжает вести себя как принц. Это очень опрометчиво, очень-очень. Если эти парни нам сейчас что-нибудь сделают...

– Зачетная телочка. Твоя? – татуированный наконец отлепляет от меня взгляд. Поворачивает голову в сторону Яна.

– Сестра. Тупая как пробка. И водит так же, – Ян пинает колесо.

Его руки по-прежнему в карманах шорт. Я аккуратно обхожу машину, на инстинктах останавливаясь позади Гирша.

– Может, мы с ней прокатимся? Научим уму-разуму.

Мое сердце частит. Становится нереально страшно отто-

го, что Ян и правда может меня им отдать. Ну что ему стоит? Избавиться от надоедливой девчонки, которую на дух не переносит.

– Губу закатай, – Гирш снова ухмыляется, чуть поворачивая голову в мою сторону, а потом подмигивает.

Я жую свои губы, боясь шелохнуться. Даже моргаю, кажется, по графику.

Палящее июньское полуденное солнце обжигает голые плечи. На висках выступает пот. Но это уже от волнения. Я так нервничаю, что вот-вот бахнусь в обморок.

Вот и первые плоды нашего путешествия и моего опрометчивого бегства. Будь я сейчас дома, ничего бы этого не случилось.

– Что сказал? – тот, что повыше и стоит ближе всех к Яну, прищуривается. Его губы трогает мерзкая улыбка.

Замечаю, как плечи Гирша напрягаются.

– Плохо слышишь?

– Слышь, ты, папочкин сынок, тебе язык укоротить, что ли?

Щелчок выкидного ножа я слышу так громко, будто стреляют из пушки. Обнажившееся лезвие блестит на солнце, ослепляя своей опасностью.

Хватаю Яна за предплечье.

– Ребят, нам не нужны проблемы, – выдаю полушепотом, а у самой губы дрожат.

– В тачку к нам садись тогда. Прокатимся.

Он уже подошел к Яну вплотную, крепко сжимая нож в руке. Если он сейчас замахнется, то с легкостью причинит ему вред.

– Не свалишь, я тебя порежу, смазливый.

– Уверен? – Гирш улыбается в своей дурацкой манере, будто не понимает, что этим лишь больше их провоцирует.

– Хочешь проверить?

Ян перекачивается с пяток на мыски. Передергивает плечом, будто хочет сбросить мои пальцы, и я послушно отступаю.

– Почему нет?

Это последние внятные слова, которые я слышу. Ян оборачивается с пугающей меня улыбкой и произносит одними губами: «Беги», – после чего плюет в лицо тому, кто держит нож, и моментально получает по лицу.

Они набрасываются на него вчетвером. Бьют ногами. Нож падает на землю, я не успеваю его схватить, потому что табуированный наконец понимает – можно.

Теперь ему можно меня поймать. С легкостью.

Я кричу. Но толку ноль. Он хватает меня за волосы и тащит к машине.

Ноги буксуют на каменистой песочной поверхности, я падаю на колени, сдирая кожу. Кричу. Плачу.

Ужас. Паника.

Это конец.

Дверь в машине захлопывается. Чужие руки обшаривают

мое тело. Бедро, живот, грудь.

От страха стучат зубы. Я издаю какие-то нечеловеческие крики, чувствуя, как он рвет бретели сарафана. Мы боремся. Я дерусь, пытаюсь себя отстоять, но пространства слишком мало. Мне не победить. Не выстоять.

– Ты совсем debil? Не здесь же!

Двери в машине хлопают. Трое других садятся в салон.

Меня зажимают на заднем сиденье посередине. От них пахнет сигаретами и алкоголем.

– Не переживай, кукла, мы тебе все вместе поможем, – говорит тот, что за рулем.

Он смотрит на меня. На выпавшую из лифа грудь, которую я стараюсь прикрывать руками и обрывками сарафана.

Внутри смешивается коктейль из страха и отчаяния.

Бросаю взгляд в окно. Ян медленно поднимается на ноги и пошатываясь идет к машине.

Вот и все. Сейчас он уедет. Сердце падает в пятки.

Гирш склоняется к багажнику, что-то оттуда берет и идет напрямик к нам.

– Да ему мало, – хохочет татуированный, – Лёха, надо успокоить парня.

Он тянется к ручке. Ян тем временем оказывается перед машиной. Стоит у капота, широко расставив ноги.

Он медленно поднимает пистолет. Направляет его прямо в лобовое стекло. В машине тут же становится тихо.

– Газуй, он шмальнет сейчас.

Ян стреляет в воздух. В ушах такой грохот стоит, но я даже не пикнула. Просто смотрю на все происходящее как зритель кинозала. Мозг отказывается бить тревогу, его так сильно сковал страх, что любое другое действие ему просто неподвластно.

– Выпустили ее. Иначе всех перестреляю, и ничего мне за это не будет. Слышь, – пинает ногой капот.

Он весь в крови. Грязный и взбешенный. Я понятия не имею, откуда у него пистолет.

– Он реально шмальнет, на хер ее. Это не смешно уже!

– Ты зассал? – тот, что меня лапал, сопротивляется.

Ян снова стреляет, но теперь не в воздух. Пуля проходит попадет в боковое зеркало. Гирш улыбается окровавленными губами и направляет дуло пистолета в лобовое стекло.

– Выкинь ее отсюда, я сказал.

– Уебок.

– Он не вменяемый. Точно выстрелит.

– Пшла отсюда, кукла, – татуированный напоследок облапывает меня, до едкой боли стискивая скулы, и выталкивает на землю.

Как только я падаю дорогу, машина тут же срывается с места. Ян едва успевает отскочить в сторону.

– Мы тебя запомнили, сучоныш. Бойся!

Они орут это нам, пока их машина набирает скорость.

– Завались! – Гирш орет в ответ и снова стреляет.

Я даже не смотрю куда, лишь слышу грохот вылетевшей

пули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.